

Книга вторая трилогии "Летописец"

ТЕНЬ ВО ВРЕМЕНИ

16+

Юлия Ефимова

Летописец

Юлия Ефимова

**Летописец. Книга
2. Тень во времени**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ефимова Ю.

Летописец. Книга 2. Тень во времени / Ю. Ефимова — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Летописец)

"Люди часто тянутся к прошлому, если недовольны настоящим и не верят в будущее". Три года спустя после предыдущей войны в Сканналии снова кипят страсти и льётся кровь. Мая бессильно наблюдает, как нити тайного заговора оплетают тела и души людей, но как ей быть, если самые близкие люди окажутся на краю гибели?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Уродливая принцесса	7
Глава 2. Тайна Тёмной галереи	15
Глава 3. Свадьба и похороны	20
Глава 4. Брачная ночь	27
Глава 5. Свидетельство Истинной Летописи	33
Глава 6. Принц из Барундии	40
Глава 7. Аукцион	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пролог

«Бригантина «Великая Барундия» бросает якорь в Северной гавани. На борту находится принцесса Марция Барундийская».

Самая закончила переписывать фразу и машинально прочла получившуюся запись: как всегда, в ней многого не доставало. Летопись не упоминала о том, что Марция прибыла для свадьбы с Дайрусом, ибо даже магии не под силу знать, кто чего хочет, о чём мечтает или говорит. В этом смысле авторам простых хроник было проще: они получали сведения сами и записывали их как считали нужным. Самая привыкла писать точно по тексту Летописи, хотя иногда вспоминала дневник, в котором свободно излагала любые мысли и чувства. Жаль, они не сгорели вместе с дневником.

«Корабль Марции сопровождают двадцать пять судов...»

Самая добросовестно перечисляла их названия и имена капитанов по мере того, как корабли входили в гавань. Эти корабли шесть лет назад привезли Дайруса на землю Сканналии. После смерти Стефана Фангарского король Лодивии Урмас Десятый получил его земли, ГиEMON Барундийский – флот, который позже использовал для блокады портов Сканналии. Теперь этот флот прибыл сюда для сопровождения дочери ГиEMONа. Непонятно, то ли ГиEMON так выказывает уважение, то ли предупреждает племянника: не передумай. С тех пор, как принц стал королём, прошло почти три года, но Дайрус не торопился жениться. Сначала он писал ГиEMONу о тяжёлом положении Сканналии, эпидемии чумы, опасностях землетрясений и наводнений. Год спустя Дайрус занялся умирением народного недовольства. Казна опустела при Айварихе, люди обнищали, работы и еды было куда меньше, чем желающих её получить. Тем не менее, это не помешало Дайрусу подарить своей любовнице Калерии шикарный бордель с шёлковыми простынями, бархатными занавесками, дорогой мебелью и бассейном. Бордель пользовался популярностью среди знати, на работу туда набирали по всей Сканналии: из-за хорошей оплаты родители нередко отправляли дочерей и сыновей торговать телом. Увы, Дайрус, в отличие от борделя, такой популярностью среди жителей Сканналии не пользовался – недовольство выплёскивалось в бунтах, жалобах и похабных анекдотах о личной жизни короля.

Самая не сомневалась, что ГиEMON отлично осведомлён о нравах при дворе Сканналии. Сама она тоже многое узнавала не из Летописи: Сильвестр не раз пересказывал ей местные сплетни, разбавляя их барундийскими после поездки в Барундию. Он знал, что летописец ни с кем не станет ими делиться, даже с королём, а потому болтал о недовольстве народа, религиозных раздорах, маленьких секретах больших людей. Самая привыкла к монологам Сильвестра и не старалась от него скрыться, как в первое время после коронации Дайруса. Она не забыла, что он когда-то выдал её страже Айвариха на Волхидской площади, но и не злилась: в этом не было смысла. Она давно научилась отделять события, происходившие с ней до клятвы летописца, от тех, что происходили после. Точнее, не происходили. В её жизни больше ничего не происходило, она лишь смотрела со стороны на других, слушала, запоминала, не позволяя себе вмешиваться, давать советы или оценки происходящему. На это у летописца права нет.

«Принцесса Марция сходит на берег в сопровождении фрейлины Илзы Ривенхед, её встречает барон Райгард Сиверс...»

Барон Райгард Сиверс! Никто давно не называл его Риком, хотя, казалось, сам он не мог к этому привыкнуть. При редких встречах Самая отмечала его растущее сходство с отцом. Ноэля за три года она видела пару раз: он не любил двор. Дайрус обращался с ним высокомерно, как и большинство аристократов, тем не менее никто из них не осмеливался вести себя так по отношению к Райгарду – племяннику короля, главе королевской стражи.

Любил ли он Илзу до сих пор? Самая думала, что да, и годы разлуки не охладили его пыла. Несколько баронов и менее знатных дворян не раз предлагали ему руку дочерей, однако

Райгард отверг эти предложения. Неужели он надеялся получить руку Илзы? Сильвестр прямо говорил, что Илза была любовницей Айвариха, а в Барундии развлекала Дайруса. Известно ли об этом Райгарду, Самайя не знала.

«Принцесса Марция усаживается на сиденье кареты, вынимает зеркало, смотрит в него, прячет в сумку. У кареты стоят барон Райгард Сиверс и Илза Ривенхед...»

Самайя записала фразу и опустила перо. Слово «зеркало» не отпускало её. Бедная Марция. Судя по тому, как быстро эта фраза появилась и тут же пропала, Марция посмотрела в зеркало украдкой, пока Райгард болтал с Илзой.

«Надеюсь, Райгард был тактичен и не показал отвращения», – подумала Самайя. Как женщина она понимала, каково принцессе выходить в свет: Марция в прошлом году переболела оспой, оставившей следы на её лице. Дайрус, услышав об этом, едва не отправил Гиомону вежливый отказ, составленный Сильвестром, но буквально все члены Королевского Совета заявили: Сканналия не в том положении, чтобы гневить могущественного монарха. Обозлённый Дайрус неохотно порвал письмо. Единственное, чего он добился, – отсрочки до полного выздоровления невесты. Впрочем, Самайя не удивилась бы, если бы текст порванного письма до Гиомона всё-таки дошёл. Не поэтому ли двадцать пять кораблей сопровождения?

Тем временем Летопись упомянула короля. Самайя пробежала взглядом витиеватые красноватые буквы:

«Король Дайрус просовывает правую руку между ног Калерии, целует левый сосок, проводит языком по шее и...»

Самайя отдернула руку и закрыла Летопись. Пожалуй, стоит перекусить, пока король не закончит своё дело. Сейчас Дайрус должен восседать на троне в зале Совета, обсуждая новый закон о налогах, а вместо этого он восседает на Калерии... Самайя покачала головой. Дайрус поначалу пытался вникать в проблемы страны, но потом предоставил принимать решения членам Совета, пропадаая то в борделе, то на охоте, то ещё где.

Самайя решила, что вечером посмотрит на будущую королеву, ведь Летопись не описывала внешность людей. Нужно только постараться, чтобы её не заметили: лишнее любопытство и расспросы ни к чему. Она и так слишком много знала.

Глава 1. Уродливая принцесса

Торжественная встреча вышла неловкой. Несмотря на едва заметную скованность, Марция держалась с достоинством. На ней было дорожное синее платье с зелёной нижней юбкой, тонкая вуаль, шляпа с необычно широкими полями. На фоне принцессы Илза в обтягивающем тёмно-красном костюме наездницы и замысловатой красной шляпке сияла красотой, приковывая восхищённые взгляды мужчин, отчего Райгард сократил процедуру приветствия и приказал поскорее отправляться в Нортхед.

Он сам вызвался встретить невесту короля: за четыре года, проведённые Илзой при барундийском дворе, Райгард не забыл прежних чувств и надеялся убедить Эйварда выдать Илзу за него.

Тем временем свита Марции высаживалась на берег, слуги в сине-зелёных ливреях таскали сундуки, набитые посудой, одеждой, перинами, тканями, книгами, иконами, шпалерами и прочим добром, для которого в гавань пригнали несколько десятков повозок. По сходням кораблей спускали кресла, высокие канделябры, скамейки. В огромном дворце Арпена они разместились бы без труда, но куда это всё денут в Нортхеде, Райгард понятия не имел. Может, отправят в одну из резиденций, например, в Варусский замок? Его заинтересовали разве что лошади из конюшен Гиёмона – Райгард обожал верховую езду.

Марция ехала в карете с послем Барундии, который прибыл обсудить с Дайрусом матримонIALные и торговые дела. Принцесса представила его как барона Гайла Морса и старалась держать поближе к себе. Илза попросила коня, Райгард с удовольствием помог ей забраться в седло.

Перед отправлением Райгард заметил, как Марция достала зеркало, посмотрелась в него и сразу спрятала в сумку. Илза громко объявила:

– Ваше Высочество, вы прекрасно выглядите. Думаю, местные модницы придут в восторг от вашей шляпы. Жаль, что ваша портниха осталась в Барундии: вряд ли здесь найдётся подобная мастерица. К счастью, прекрасное свадебное платье готово и ждёт лишь встречи с королём Дайрусом!

Райгарду показалось, что Марция вздрогнула. Илза продолжала:

– Его Величество, я уверена, будет рад вас увидеть, ведь ему пришлось расстаться с вами на целых три года.

– Уверена, что и вас он не забыл, дорогая Илза. Не желаете ли присоединиться ко мне в карете?

Марция сняла шляпу с вуалью. Левую половину лица принцессы обезображивали рубцы: они спускались со лба к подбородку, создавая неровный рельеф на желтоватой коже с красными прожилками. Райгард поневоле отвёл взгляд.

– Нет, что вы, Ваше Высочество, я не хотела бы стеснять вас с бароном Морсом.

– Если Ваше Высочество позволит, я отвечу на ваши вопросы, – Райгард заставил себя посмотреть ей в глаза, но она лишь презрительно прищурилась.

– Благодарю, барон, – она подчеркнула его титул. – Если у меня возникнут вопросы, я к вам обращусь. – Марция опустила шторку на окне, Райгард приказал кавалькаде трогаться. Кажется, принцессе он не понравился.

Дайрус ждал в тронном зале, где собрались представители всех крупных и влиятельных родов: молодые Ривенхеды Эйвард с Николем и их дядя доминиарх Теодор, вернувший себе кафедру в Нортхеде; Георг Ворнхолм с юной женой Вандой, его тесть Валер Мэйдинггор с бастардом Максом; два Иглсуда – старый и молодой нытики; Энкус Краск, не имевший ни жены, ни детей – может, не только его племянник отличался любовью к мужчинам? Был тут

и девятилетний барон Вельям Холмкрест, получивший титул после смерти деда, о котором все думали, что он бессмертен. Мать Вельяма Сиэлла напоминала статую, и, сколько Дайрус её знал, совершенно не менялась. После казни Ульрика Холмкреста снова замуж она так не вышла.

Дайрус не представлял, как его отец, король Райгард, управлялся со всеми этими людьми. Они все его предали, все оклеветали, все называли убийцей и злодеем. Теперь какой-нибудь Ильяс Чевиндом, дальний кузен матери Дайруса, сидевший при Айварихе тише воды, ниже травы, воображает, будто имеет право поучать племянника, лезть в его дела! Племянника! Седьмая вода на киселе, что не мешает Ильясу требовать всё новых привилегий. Ещё одних Ривенхедов ему не хватало! К счастью, Чевиндомы не так многочисленны: их потомки жили в основном за пределами Сканналии, ибо Чевиндомы любили всё иноземное. Их сыновья учились за границей, дочери находили там женихов. Насколько Дайрус знал от тётки Маэрины, его собственная мать познакомилась с отцом не в Сканналии.

На фоне старой знати особняком стояли представители новой: Сильвестр, Марик Седой и Сайрон Бадл. Сильвестр с одобрения Гиёмона получил дворянство и, помимо должности придворного хрониста, выполнял также дипломатические поручения, разъезжая по разным странам. Марик тоже стал дворянином, к тому же на следующий за захватом Нортхеда день он женился на единственной дочери погибшего Лантона Орланда. Баронский титул Орланда перешёл Райгарду, Марик вселился в его дом и получил должность главы городской стражи. Младший брат Лантона Гастон не успел потребовать у короля справедливости: сломал шею на улице после пира в честь коронации.

Сайрон Бадл расширил мануфактуру, подговорив несколько человек организовать компанию, которая позволила бы контролировать почти всю текстильную отрасль, в связи с чем цены на ткани неуклонно росли. Сайрон умудрился выкупить у короля пару монастырей и устроил там новые предприятия, в том числе наладил производство вееров, заполучив на это единоличный патент. Кроме того, он получил Казначейство и управлял им, по уверению Энгуса Краска, куда лучше Уолтера Фроммеля. Именно Краск порекомендовал Бадла на эту должность после того, как сменивший Фроммеля сын барона Узенрека погиб на охоте.

Все они собрались поприветствовать невесту короля, отчего Дайрус чувствовал себя отвратительно. Ему не нравилась Марция: она слишком напоминала тётку Маэрину. Строгая, холодная – она всегда много о себе воображала, насмехалась, когда он забывал, в каком году её прапрадед Клемон Второй победил какого-то барона Зиверта, присоединив к Барундии его владения. Подумаешь, жалкий клочок земли – почему он должен об этом помнить? Даже Кэйрон не помнил, хотя он – правнук Клемона и дядя Марции.

Дайрус вынужден был подписать себе приговор ради трона и сейчас проклинал судьбу последними словами. Королю нужна жена, наследники, но вот цена...

– Её Высочество принцесса Марция Барундийская! – объявил слуга.

Дайрус поднялся с трона, спустился по ступенькам, остановившись на последней. Марции пришлось задрать голову, чтобы поприветствовать жениха. Дайрус содрогнулся от отвращения, глядя на её обезображенное лицо. Только бы не выдать себя, а то она ещё папаше с матерью нажалуется!

– Приветствую Ваше Высочество на земле Сканналии, – сквозь зубы процедил он. Марция улыбнулась, отчего её рубцы стали заметнее. Будь его воля, он бы закрыл шторами окна и погасил свет. – Надеюсь, плавание прошло удачно? – Шторма на море не прекращались до середины весны, но, как только позволила погода, Гиёмон отправил дочь в путешествие. В эти последние весенние дни воздух был тёплым и свежим, однако Дайрус не раз покрывался холодным потом при мысли о предстоящей свадьбе.

– Благодарю, Ваше Величество, мы добрались быстро и без происшествий.

– Полагаю, вы желаете отдохнуть, Ваше Высочество? – спросил король и, не дожидаясь ответа, добавил: – Жду вас сегодня вечером на ужин в вашу честь. Я жажду услышать новости из вашей страны.

– Барон Морс введёт Ваше Величество в курс всех дел, – поклонилась Марция. Тучный русоволосый мужчина в синем бархатном камзоле, стоявший сзади принцессы, также поклонился:

– Барон Гайл Морс, посол короля Барундии Гиёмона Третьего, – представился он, протягивая королю верительную грамоту.

– Король Гиёмон в письмах ко мне высоко оценил вас, господин посол.

– Я сделаю всё, чтобы оправдать его доверие.

– Думаю, это мы отложим до завтра, – Дайрусу не терпелось покинуть зал и глотнуть свежего воздуха. – Сегодня вечером жду вас, барон, на ужин.

Дайрус счёл, что выполнил свою часть работы, и направился к двери. Ему хотелось напиться и посетить Калерию. Уходя, он скользнул взглядом по фрейлине принцессы. Сероглазая полногрудая красotka сверкала драгоценностями и слегка кривила пухлые губки, призывно глядя на короля. Роскошные каштановые волосы волной падали на полуобнажённые плечи, небольшая родинка на правой скуле приковывала взор, навевая приятные воспоминания трёхлетней давности. Насколько он помнил, фрейлину зовут Илза Ривенхед. Вот с ней он поболтал бы с удовольствием. Жаль, что Марция ей в подмётки не годится.

Марция устало опустилась в кресло и застыла, глядя на шпалеру, изображавшую свадьбу юной девушки со стариком. Она могла понять, что испытывает девушка, выданная за старика, сейчас же она чувствовала себя стариком, который женится на красавице. Жаль, что она не может спокойно взять себе в мужа Дайруса, не думая о его реакции на её уродство.

Да, Дайрус остался таким же: он никогда не умел скрывать чувства. Сегодня она ощутила их в полной мере. Сначала этот бастард Райгард Сиверс изменился в лице, хотя и старался быть вежливым. Он даже предложил оторваться от болтовни с Илзой, чтобы рассказать ей о Сканналии! Как будто ей нужны жалость и благотворительность! Она предпочла отгородиться от него шторкой кареты, но нельзя прятаться всю жизнь! Так сказала ей мать, когда Марция после болезни попросила отменить свадьбу с Дайрусом. Долг перед предками, перед страной, перед семьёй превыше всего. Ты – будущая королева и не должна ни перед кем оправдываться. Жаль, что это проще сказать, чем сделать. Дайрус, судя по его виду, не рад свадьбе. Он смотрел с таким отвращением, что она только усилием воли заставила себя остаться на месте, а не бежать куда глаза глядят. Марция с трудом выдавила судорожную улыбку, дожидаясь ухода короля. Она не даст ему увидеть свою слабость, не покажет, как унижает её такое поведение.

Почувствовав комок в горле, Марция поднялась с кресла. Плакать некогда, нужно привести себя в порядок, переодеться, причесаться, немного поесть... Нет, есть она не хочет. Где Илза? Где служанки?

Марция огляделась. Комната была в целом приятной – две мраморные колонны разделяли пространство на две части: в одной стояла кровать под жёлтым балдахином, в другой – столы, скамьи, молитвенный уголок, дверь в гардеробную. Пол устлали цветные мозаичные узоры, на стенах висели картины и полки с разными мелочами и книгами. Часы показывали почти семь. Марция подёргала шнурок для вызова слуг – времени осталось мало. Она решила не прятать лицо под вуалью: всё равно все увидят, будут обсуждать, кривиться и отводить взгляды.

Служанка Хлоя постаралась нанести на лицо пудру, но Марция по опыту знала, что она почти бесполезна. Принцесса поправила голубое атласное платье, коснулась сапфировой подвески на шее, проверила, на месте ли золотая булавка в волосах. Что ж, если не смотреть на лицо, то лучше не придумашь. Впрочем, Хлоя давно не обращала внимания на рубцы, за что

Марция особенно её ценила. Брат Хлои был монахом, ухаживал за больными – она к своим двадцати пяти годам чего только не насмотрелась, помогая ему.

Приветственный пир проходил в огромном зале по соседству с тронным. Войдя в зал, Марция на миг замерла. У одной из стен на невысоком помосте стоял стол для короля, королевы и особо важных гостей. Вдоль зала в три ряда выстроились покрытые белыми скатертями узкие столы, ожидая столпившихся возле них мужчин и женщин. Мимо столов сновали слуги, распорядитель обедом на высоком табурете внимательно разглядывал, всё ли в порядке. В воздухе витали запахи мяса и рыбы, ощущался аромат специй: шафрана, ванили, гвоздики и корицы. Марция надеялась, что среди приготовленных блюд найдутся устрицы – она их очень любила.

Сканналийцы в дорогих нарядах и украшениях переговаривались друг с другом, смеялись, поглядывали по сторонам, особенно на столы, ломившиеся от закусок. Как её примут будущие подданные? Будут ли они во время официального представления смотреть на неё или сквозь неё?

Слуга объявил о появлении принцессы Барундийской – все как один уставились в её сторону. Марция надела на себя маску невозмутимости и заскользила вдоль собравшихся, стараясь не прислушиваться к шепоткам и вздохам.

Дайрус занялся представлением. Марция запоминала всех: мать приучила её не упускать возможности произвести на людей впечатление. Хорошая память, говорила Маэрина, нужна королям больше, чем учёным, и заставляла дочь запоминать лица, имена, даты, названия.

– Эйвард, барон Ривенхед, его брат Николь Ривенхед. – Братья Илзы. Эйвард похож на неё, а вот Николь совсем другой. Несмотря на светлые волосы, он больше походил на жителей южных стран загаром, вызывающей одеждой и разнузданным поведением. Николь останавливался в Арпене ещё до её болезни. Марция вынуждена была поставить его на место, когда он начал заигрывать с ней. Зато Николь нашёл общий язык с её дядей Кэйроном, они втроём с Дайрусом частенько проводили ночи вне дворца. Сейчас Николь отворачивается и ухмыляется уголком рта, Эйвард недовольно посматривает то на неё, то на сестру.

– Барон Валер Мэйдингор, барон Георг Ворнхолм, его жена Ванда Мэйдингор и... – Дайрус помедлил и нехотя закончил: – Макс Мэйдингор.

В Арпене бастардов обычно не приглашали на такие приёмы и официальные представления, но мать предупредила, что в Сканналии нравы куда проще. Марция решила не подавать виду, как ей неприятно общение с побочным сыном. В конце концов, чем он хуже Райгарда Сиверса – с ним-то ей точно придётся иметь дело.

Барон Ворнхолм смотрел спокойно и равнодушно. Принцессе показалось, что он смотрит не на неё и не сквозь неё, а внутрь. Она видела Георга лишь однажды в детстве. Отец считал барона отличным солдатом и согласился на его предложение о союзе в войне с Айварихом. Когда Дайрус потребовал голову Ворнхолма, ГиEMON высмеял племянника, сказав, что всем головы не отрубишь, к тому же Георг один из немногих, кто в обмен на помощь не потребует полцарства, руку и сердце, как Ривенхеды. Дайрус закричал, что ему не нужен лакей Айвариха – в ответ отец презрительно оборвал его и заявил, что только идиот может считать Ворнхолма лакеем. Дайрису пришлось проглотить злость и пообещать, что он примет барона как союзника. Марция вгляделась в Георга ещё и потому, что мать всегда избегала говорить о нём. Барон предал её брата, однако Маэрина чаще вспоминала мальчика, который любил рисовать, строить, мучился от безответной любви. Марция так и не поняла, как мать относится к этому человеку. Интересно, кого он любил? Лицо Георга обезображивали боевые шрамы, придававшие своему обладателю странный шарм. Лучше бы судьба сделала её мужчиной и подарила такие шрамы, подумала Марция. Она поприветствовала Георга, потом посмотрела на Валера. Барон Мэйдингор показался ей больным: он едва держался на ногах, его глаза с трудом фокусировались на ней. Марции довелось учиться при монастыре – он соседствовал с одной

из королевских резиденций. Она видела немало страданий – именно их она читала на лице Валера. Ванда, напротив, лучилась здоровьем и в красном открытом платье казалась ярким пятном даже среди разодетого по случаю праздника общества. На шее баронессы висело красивое рубиновое ожерелье. Ванда присела – слишком быстро и неловко, – потом недовольно покосилась на супруга, отчего её лицо неприятно исказилось. Её алые губы плотно сжались, чёрные глаза метали молнии над хищным носом. Марцию она разглядывала очень внимательно – принцесса не видела ни отвращения, ни жалости, только любопытство. Макс, как и Ванде, было лет двадцать. Он со скукой склонился перед принцессой и покосился на Ванду: Марции показалось, что он пожирает сестру глазами, напоминая затаившегося хищника. Красивое лицо Макса обрамляли светлые вьющиеся волосы.

– А где твой старший? Грегор не явился? – спросил Дайрус Валера.

– Грегор плохо себя почувствовал и побоялся испортить сегодняшний вечер, Ваше Величество, – коротко ответил Георг вместо Валера. Дайрус не обратил внимания на барона, представив следующего гостя:

– Барон Ильяс Чевиндом.

Ильяс был ей незнаком, как и остальные. Покончив с представлениями, Дайрус пригласил Марцию за стол. Она села по правую руку от короля, слева от него сидел доминиарх Теодор Ривенхед. Стул справа от Марции пустовал.

– А барон Сиверс где? – недовольно спросил Дайрус у слуги за плечом, глядя на пустой стул.

– Ваше Величество, прошу прощения за опоздание. Я хотел проверить посты и встретить отца. – Райгард Сиверс возник за спиной Дайруса, но смущённым он не выглядел. Прибывший с ним мужчина в немного устаревшего фасона зелёном камзоле и с тростью неловко поклонился королю. Дайрус едва заметно скривился:

– Марция, ты уже знакома с бароном Сиверсом, а это его отец Ноэль Сиверс. – Титула к имени не прилагалось, тем не менее, Марция знала, кто перед ней. О Ноэле она слышала от матери. Он соблазнил племянницу Маэрины Анну, при этом спас Дайруса от верной смерти. ГиEMON как-то сказал жене, что лучше бы этот жалкий писарь не лез в чужие дела. Марция думала, что увидит кого-то вроде Георга, однако перед ней стоял ничем не примечательный мужчина с поседевшей бородкой, внимательными карими глазами, чуть приподнятой левой бровью. Из-за седины, морщин и усталости на лице он выглядел старше тридцати девяти лет. Когда-то он явно был красив, теперь же это не бросалось в глаза. Из присутствующих аристократов один Георг Ворнхолм поздоровался с Ноэлем довольно вежливо. Марция заметила, что старший Сиверс слегка хромает и старается не пользоваться за столом левой рукой. Вопреки этикету Райгард посадил отца возле себя, чем вызвал гневные взгляды Эйварда Ривенхеда, который сидел во главе соседнего стола слева. Валер Мэйдинггор, сидевший во главе правого стола, внимания на это не обратил, занятый беседой с Георгом. Ноэль явно стеснялся общества. «Этот человек здесь не на своём месте, – подумала Марция, – как и я. Только он может уйти, мне же пути назад нет».

Марция принялась за устрицы в винной похлёбке с имбирём и мускатом, почти не чувствуя вкуса, остальные негромко переговаривались друг с другом, исподтишка поглядывая на принцессу. Когда серебряная тарелка опустела, она обратилась к королю:

– Ваше Величество, благодарю за предоставленные комнаты. Вы не возражаете, если я сменю балдахин на кровати?

– Почему бы нет? – фыркнул Дайрус. – После смерти Тории ими никто не занимался.

Марция поёжилась. Конечно, ей придётся жить в комнатах, где жила Катрейна, где умерла Тория.

– Ваше Величество, – в разговор вступил доминиарх Ривенхед. – Через пять дней собор, как вы и просили, будет готов к венчанию. Церемония, безусловно, обещает стать грандиозным событием. Вы подтверждаете назначенную прежде дату?

Голоса за столами смолкли, все уставились на короля. Дайрус покраснел, Марция медленно посмотрела на доминиарха: тот делал вид, будто ответ его совершенно не интересует.

«Уж ты-то хотел бы не только новую дату, но и новую невесту», – подумала Марция, переводя взгляд на Илзу. У фрейлины сверкали глаза, соперничая с алмазами в серьгах и ожерелье. Диадема в её волосах напоминала корону. Девушка выглядела очень красивой в платье золотой парчи с накидкой фиолетового бархата. Сосед Марции, барон Сиверс, не сводил с неё взгляда весь вечер. Макс Мэйдинггор тоже посматривал на неё с интересом.

– Ваше Величество, – барон Морс поднялся, чтобы дотянуться до бараньих лопаток с чесночным соусом. – Полагаю, что перенос даты нам на руку. Король ГиEMON лично сможет присутствовать на свадьбе. Вы не представляете, как он сожалел, что неотложные дела задержали его в Арпене.

Отец и впрямь подумывал прибыть в Нортхед, но отменил поездку из-за ссоры с Урмасом Лодивийским и проблем в Шагурии, где после взятия Гимера и убийства Яниса Руханского было крайне неспокойно, назревала новая война. ГиEMON решил: лучше отправить дочь одну, чем ждать, рискуя, что Дайрус найдёт повод отказаться от свадьбы.

– Надолго король ГиEMON прислал к нам флот? – поинтересовался Георг Ворнхолм, разрезая кусок жареной оленины в красном вине со специями.

– Как вы понимаете, Его Величество побоялся отправить дочь без сопровождения, – заметил барон Морс, – но когда торжества закончатся, я вернусь домой вместе с флотом. Увы, Шагурия продолжает сеять ересь повсюду, лодивийцам не терпится ввергнуть нас в войну с ней, чтобы начать новые завоевания.

– Я также сожалею, что король не сможет присутствовать на свадьбе дочери, – громко ответил послу Дайрус. – Думаю, нет смысла откладывать.

Теодор склонил голову, глотнул вина, не глядя по сторонам.

– Прошу извинить, меня ждут дела. Мне нужно повидать... моего летописца, – Дайрус поднялся. Все удивлённо посмотрели на короля. Он, ни на кого не глядя, вышел из зала. Марция хотела сделать то же самое, но это значило бы показать страх. Она осталась.

Ужин продолжался невыносимо долго. На столах появилась вторая перемена блюд, потом третья. К этому времени все наелись и слушали песни о подвигах великих воинов и святых, смотрели на фокусы, кривляния шутов и акробатов. Одни гости азартно подпевали музыкантам, другие прогуливались по залу. К Марции никто не обращался. Райгард, оживившись после ухода короля, присоединился к Илзе, которая о чём-то спорила с кузенами в углу. Ноэль неодобрительно, как показалось Марции, наблюдал за сыном.

– Позвольте спросить, Ваше Высочество, ваши родители в добром здравии? – услышала Марция. К её удивлению это был Ноэль. Он смотрел на неё серьёзно и спокойно. Марция, молчавшая ведь вечер, ответила не сразу:

– Да, господин Сиверс, они здоровы.

– Я рад это слышать. Вам понравились ваши комнаты? – Марция поставила бы его на место, но она устала сидеть молча. Может быть, он тоже это понял, потому задаёт бессмысленные вопросы?

– Я не так хорошо их рассмотрела. Уверена, они мне понравятся.

Ноэль понизил голос:

– Там есть небольшой тайник у окна. Полагаю, о нём не знает никто кроме меня и... – он осёкся.

– Правда? – в Марции на миг проснулась маленькая девочка, которая пряталась от отца под столом, когда хотела подслушать его разговор с кем-нибудь. Мать потом отучила её от этой

недостойной привычки, отец же усмехнулся, одоббив её стремление к знаниям. Правда, это не помешало ему отправить её в монастырь на обучение.

– Катрейна прятала там портрет короля Райгарда, – Марция отметила, что Райгарда он назвал королём, а Катрейну просто по имени.

– Вы покажете мне тайник? – любой повод хорош, чтобы уйти отсюда. Кстати о поводах.

– А где этот портрет? Я бы хотела увидеть, как выглядел дядя.

– Портрет повесили в галерее королей.

– А портрет Айвариха там есть? – с любопытством спросила Марция. Она любила портреты. В Арпене постоянно работали художники, которым покровительствовала Маэрина.

– Не думаю, Ваше Высочество, – покачал головой Ноэль. – Я не знаю, что стало с его портретом.

– Айварих его уничтожил, – вмешался в их разговор Георг. Ванда подняла голову:

– Ты говорил, это был отличный портрет. Жаль, я его не видела.

– Ванда любит живопись, – пояснил Георг Марции. – И сама прекрасно рисует.

– Мой супруг преувеличивает, – почему-то резко ответила Ванда. – Его талант намного превосходит мой. Жаль, однако, что мой портрет он так и не удосужился написать. – Георг поморщился.

– Да, – оживилась Ванда. – Не говори, что я скромничаю. Вы просто обязаны посмотреть портрет Катрейны в исполнении Георга, – обратилась она к Марции. – Он создал его давно, но ведь мастерство не пропѣшь.

По мнению Марции Ванда была чересчур резка и груба с мужем, а это выражение... Где она его взяла? На кухне? Несмотря на неловкость, Марция старалась вести себя с Вандой приветливо.

– Вы непременно должны прямо сейчас сходить туда. Мы с Георгом вас проводим, хотите?

– Господин Сиверс меня проводит. Он обещал показать мне портрет короля Райгарда.

– Ну а Георг покажет портрет Катрейны, правда, дорогой?

– Ванда, дочка, мне уже хватит, – Валер поднялся из-за стола, – проводи меня домой. – Валер остановился в доме Георга, предоставив свой дом сыновьям.

– Отец...

– Мне надо с тобой поговорить. Идѐм! – Валер попрощался с принцессой и направился к дверям. Ванда, надувшись, последовала за ним.

Оставшись наедине с Марцией, Ноэль и Георг посмотрели друг на друга.

– Прошу прощения за мою жену, она до сих пор не слишком привыкла ко двору. Мы редко здесь бываем.

– Но вы же член Королевского Совета? – удивилась Марция.

– Я занимаюсь усмирением мятежей, это способствует частым разъездам, – чуть насмешливо сказал Георг. Насколько Марция знала, Дайрус приказал барону снова возглавить Судебную Палату, но он отказался. Вместо этого король стал посылать его на подавление недовольства в разных областях. – Если пожелаете, кто-нибудь из нас проводит вас в Тѐмную галерею, – предложил Георг. – Вы можете позвать вашего посла или фрейлину... – он не закончил.

Марция посмотрела на Илзу, Райгарда, барона Морса, на недовольного уходом Ванды Макса и толпу незнакомцев, доедавших остатки пиршества. Многие изрядно опьянели, некоторые разошлись по соседним комнатам сыграть в карты, шахматы или кости, время от времени слышались взрывы смеха. Слуги выносили столы, освобождая место для танцев. Незаметно для всех появился Дайрус: он пригласил на танец Илзу. Марция решила, что имеет право покинуть зал. Когда она станет королевой, ей придётся сидеть на таких пирах до конца, как хорошей хозяйке. Сегодня она слишком устала, и у неё есть повод уйти.

– Я буду рада, если вы оба проводите меня в галерею, – попросила Марция Георга и Ноэля. Она направилась к выходу и не оглядывалась больше, пока двери не закрылись у неё за спиной.

Глава 2. Тайна Тёмной галереи

Принцесса оказалась примерно такой, какой Георг представлял себе дочь Маэрины и Гиёмона. Внимательные голубые глаза оттенялись светлыми бровями, гладкие русые волосы были зачёсаны назад, что очень бы ей шло, если бы не шрамы. Марция не унаследовала от матери типичных для Кройдомов чёрных волос и карих глаз – от Маэрины ей достались чуть треугольное лицо с большим лбом, твёрдый подбородок, небольшой рот, говорившие об уме и силе воли.

Принцесса старалась казаться невозмутимой, но он видел: её задевают косые и насмешливые взгляды. Мало того, этот болван Дайрус чуть ли не в лицо оскорбил дочь Гиёмона только потому, что это лицо не так красиво, как лица его любовниц. Георг со счёта сбился, пытаясь уследить, с кем Его Величество развлекается в настоящее время – порой отыскать короля было непросто в самый нужный момент. Королевский Совет часто собирался без участия короля, или же Дайрус обходился поверхностными расспросами и упрёками в нерадивости. К счастью, новые обязанности позволяли барону пореже бывать при дворе.

«К счастью для тебя, не для Ванды», – про себя усмехнулся Георг. Жена предпочла бы шумное столичное общество, развлечения, песни, танцы до утра и прочее, что любит молодёжь. Она и в их поместье приглашала музыкантов, певцов, скоморохов и других дармоедов. Ей было одиноко, она злилась на мужа, на слуг, на поместье, даже на мозаичное панно, изображавшее парус посреди моря. Однажды Ванда уговорила Георга написать её портрет. Он попытался вспомнить прежние навыки, чтобы развлечь её. Готовая работа напоминала поделки, которые он рисовал в далёком детстве, когда только учился разводить краски. Жена обиделась, Георг разозлился, заявив, что проще нанять десяток художников, пусть они напишут ей хоть десять портретов. Куда он может послать этих художников, Ванда описала в таких выражениях, каких Георг от солдат на войне не слышал. Жизнь среди горцев приучила её ничего не бояться, не скрывать чувств, зато хорошие манеры она усваивала с трудом. В итоге Георгу хотелось держаться подальше от Нортхеда и собственного поместья, где Ванда наводила порядок. Не поэтому ли он принял предложение короля и носился по стране в поисках недовольных? С ними легче договориться, чем с Вандой. Жена в его отсутствие обустраивала поместье по своему вкусу. Вкус у неё, надо отметить, был своеобразный. Спальню она отделала так, что та напоминала дорогой, прекрасно обставленный бордель. От красного цвета резало глаза, обнажённые женщины на картине в семейной спальне вызвали не столько желание, сколько смех. Георг, чтобы не ссориться с супругой, держал язык за зубами, стараясь пореже бывать дома: рано или поздно жена наиграется.

Георг надеялся, что хотя бы во дворце короля ей полегчает, – и ошибся. Она флиртowała с Максом, обоими Ривенхедами, даже с Райгардом, который этого не заметил, так как глаз не сводил с Илзы Ривенхед. Пусть Валер выяснит, что ей надо. Он понимает дочь куда лучше, а вот Георг так и не нашёл с ней общего языка: он порой просто не знал, о чём с ней говорить. Георг не возражал бы завести ребёнка, однако за два с лишним года их брака дети не появились. Впрочем, учитывая, как смотрят на Ванду её поклонники... Конечно, он не так молод, как раньше, но не слеп. Лучше увезти жену домой сразу после свадьбы короля, пока же придётся не спускать с неё глаз. Хорошо хоть Валер помог: сегодня она точно никуда больше не выйдет. Георг как раз хотел ускользнуть из зала, и тут подвернулся удачный предлог. Заодно Марция сможет уйти: ей явно не по себе под взглядами здешней публики, пусть она и делает вид, что это её не задевает. Сидя за столом, Георг невольно сравнил жену с принцессой и признал, что видимое спокойствие и невозмутимость Марции ему больше по нраву, чем крутой и пылкий характер Ванды. Жаль, что Ванда не такая, как Марция. Или Мая.

Георг редко видел Маю за эти три года, каждый раз отмечая, что её выдержка становится всё сильнее, от прежних эмоций не остаётся и следа. Поговаривали, что от неё веет холодом, что она умеет вызывать северный ветер, её кровь давно застыла в жилах, как у мертвецов, и она говорит напрямую с Селевруном, хозяином Страны Ледяного Тумана. Георг смеялся про себя над этими суевериями. Иногда, когда Мая появлялась на публике, люди смотрели на неё со страхом и отвращением – тогда за неё становилось страшно. Вряд ли кто-то отважится напасть, конечно. О силе Истинной Летописи по стране ходило всё больше легенд, клятва на эшафоте стала притчей во языцех, обросла такими подробностями, что истиной там не пахло. Милая добрая девушка переменялась полностью. Это восхищало Георга, одновременно вызывая жалость: такая жизнь и впрямь напоминала смерть. Будь проклято волшебство, сканты и Летопись! Не такого хотела Катрейна для Майи!

Иногда Георг мечтал сделать то, о чём говорил Оскар Мирн: сжечь Истинную Летопись. Получалось у него это разве что в снах. Дело было не только в магической вещи и Мае. Дайрус не обращал внимания, но члены Королевского Совета не раз горячо обсуждали между собой появление скантских алтарей и бродячих «волхидов» с их призывами, предсказаниями, угрозами. Страну захлестнули всплески языческих ритуалов, всё более шумные празднования скантских праздников в дни солнцестояния и равноденствия. После костров и монастырских погромов времён Айвариха власти не решались обуздать идолопоклонников, тем более что их главного идола – Истинную Летопись – никто в Сканналии тронуть бы не посмел. С именем Летописи на устах всевозможные «маги», «чернокнижники», «вещуны» отравляли веру, бередили народ, который после недавних потрясений наивно принимал всю эту ерунду за чистую монету. На проблему накладывались нерешённые конфликты эктариан с зарианцами: они не желали уступать место соперникам по вере и спорили между собой, кому принадлежит кафедральный собор. Дайрус после коронации так и не поменял закон, делавший короля главой церкви. Он заявил, что зарианцы и эктариане – дети одного Бога, пусть каждый молится, как считает нужным, король же будет выступать судьёй по спорным вопросам. Наспех собранный Церковный Собор утвердил эдикт. Теперь споры копились, решения откладывались, протесты с обеих сторон усиливались, грозя когда-нибудь прорваться. Георгу не было дела ни до старых, ни до новых богов – он не желал вражды из-за веры и на своих землях навёл порядок, вынудив верующих договориться друг с другом.

– Сколько здесь портретов? – голос Марции оторвал Георга от мрачных мыслей. Оказывается, они уже добрались до Тёмной галереи. Георг надеялся откланяться по пути, но Марция так старалась выглядеть заинтересованной, что он решил остаться. К тому же Сиверс, кажется, не знает, о чём говорить. Георг видел, что он слегка растерян и тоже не прочь уйти.

К Ноэлю Сиверсу он испытывал двойные чувства. Его подчёркнуто старомодные наряды, неуверенность в себе вызвали у многих раздражение и насмешки, Георг же видел в нём внутреннюю гармонию и независимость от мнения окружающих, которым безотчётно завидовал. Ноэль ничего особенного не ждал от жизни, ни у кого ничего не просил, тем не менее получил любимую женщину и отличного сына. Георг понятия не имел, есть ли у Сиверса сейчас женщина, зато отметил, насколько плохо выглядит Ноэль. Вероятно, он чем-то болен.

– Здесь тридцать два изображения королей и королев, – Георг знал эти работы наизусть.

Портреты занимали большую часть стены – на фоне скромных работ особенно выделялись два огромных полотна. Правда, Георг всегда смотрел не на размеры, а на лица, оценивая руку художника. От одного конца коридора до другого менялись эпохи, костюмы, причёски, приёмы, манера письма, однако выражения лиц и глаз не зависели от времени – только от мастерства художника и характера личности, которую он писал.

Первые портреты появились лет двести назад. Каждый король считал долгом оставить своё изображение, да ещё, как правило, не одно. В галерею вешали один портрет короля,

остальные пылились на складе, подробно описанные в списке дворцового имущества и никому не нужные.

Портрет Валамира в образе святого, написанный лет через триста после смерти первого сканналийского короля, напоминал икону на дереве. Георг не видел, как был написан небольшой портрет Райгарда Второго, но рука Алика Двара, барундийского художника, чувствовалась сразу. Георг учился у него в Барундии.

– Я думал, портрет пропал, – он задумчиво посмотрел на преданного им когда-то короля.

– Катрейна сохранила его, – тихо сказал Ноэль.

– Давненько я тут не бывал, – Георг огляделся. Из новых работ в галерее появился офорт, изображавший Айвариха в образе безумного Иригора. Интересно, какой насмешник его сюда принёс? Лист явно вырвали из книги, отпечатанной в типографии Килмаха. Да, это его линии, хотя привычная монограмма «ДК» отсутствовала. После смерти Айвариха художник уехал в Барундию, где объявился при дворе ГиEMONю. Недавно он вернулся в Сканналию и сейчас усердно рисовал портрет Дайруса. Георг предпочёл бы удалить Килмаха из дворца, однако Дайрусу он нравился.

– Об этой картине говорила ваша жена? – восхищённо спросила Марция, остановившись у портрета Катрейны.

– Да, – коротко ответил Георг. Катрейна стояла в свадебном белом платье, на котором едва различались детали шитья – словно белое облако окутывало фигуру восемнадцатилетней девушки; лишь на расстоянии мазки соединялись в идущие по подолу узоры, шнуровку и бледно-розовые цветы на корсете, обшитом жемчугом. Окружающие девушку люди также были слегка не в фокусе, их одеяния казались чёрно-белыми, как на карандашных рисунках. Лицо Катрейны художник прорисовал отчётливо: лёгкая улыбка, полуприкрытые веками глаза, слегка растрёпанная ветром причёска. На её шее сверкали рубины изящного ожерелья.

Георг не помнил, как писал эту картину. Война только что окончилась, Айварих сидел на троне. Барон уехал к себе в поместье и ждал объявления о свадьбе. Время шло, слухи ходили разные. Фальшивый Байнар, козни Винкустов, игры барундийского двора, смерть Рижитты и Артура Мэйдингоров – Георг боялся за Катрейну и, чтобы отвлечься от мрачных предчувствий, взялся за кисть. Он сам не понял, откуда появилось вдохновение и мастерство. Рука свыше водила по холсту, а не его собственная. Закончив портрет, он будто очнулся от тяжёлого сна, рассматривая готовое творение как незнакомца. Килмах, не зная автора картины, как-то раскритиковал его работу в пух и прах, но почти каждый, кто её видел, потом безотчётно смотрел на королеву, словно искал в ней то, что изобразил художник.

Наверное, именно предчувствия он воплотил на холсте, потому что юное лицо девушки под определённым углом казалось искажённым страданием. Самому Георгу не раз приходило в голову, что девушка идёт не к алтарю, а к Вратам Покоя, поэтому он никогда больше не смотрел на портрет, подарив его королю ко дню свадьбы. Рубиновое ожерелье, доставшееся барону в наследство от матери, получила в подарок Катрейна. С тех пор Георг не пытался писать снова, лишь каприз Ванды вынудил его взяться за кисть. Результат, как он и думал, оказался плачевным. Ванда недоумевала, как он мог забыть свой талант. Осталось загадкой, откуда Ванда узнала, что автор портрета именно Георг. По его просьбе Айварих никому об этом не говорил, зато Ванда сообщила половине двора.

– Поразительно, – прошептала Марция. – В ней словно два человека. Счастливая невеста и... Я видела такое выражение на лице умирающей Святой Ульги. Как вы этого добились?

– Я не помню, – Георг не хотел развивать тему.

– А вы ещё что-нибудь написали? Мама говорила... – она замолчала.

– Королева Маэрина лучше всех знала мои способности и сказала вам правду. Я просто любитель.

– Но это... – Марция показала на портрет.

– Это проблеск, озарение, если хотите, вспышка пламени, которое тут же окатили водой. Наверное, с каждым такое случается. Потом приходят будни, и ты возвращаешься к привычным делам. Я не смогу этого повторить, да и не захочу.

– Сильные чувства вызывают бурю в душе, но когда она уляжется, хочется покоя и тишины, – прозвучал в полумраке тихий голос Ноэля. Георг про него уже забыл. Да, их бури давно улеглись, хотя последствия до сих пор дают о себе знать.

При виде картины глаза Марции заблестели, черты её лица разгладились. Она не выглядела уродливой в полутьме, которую рассеивал свет свечей. Георг подумал, что она как Катрейна на картине: при свете одно, во тьме другое, точнее, на лице одно, на душе другое. Но что именно? Если бы он рисовал её, то вот так, перед иконой Миры, матери сына Божьего Зарии, и чтобы тень скрывала шрамы. Марция обернулась – барон вздрогнул: вот так же смотрела Катрейна с картины по пути... то ли к алтарю, то ли к могиле.

– Ваше Высочество, вам лучше пойти к себе, уже поздно.

– Подождите, хочу посмотреть ещё одну работу, – Марция подошла к портрету Эйварда.

– Дядя похож на брата, но губы другие, – заметила принцесса. И нос немного скошен. Зато у них обоих одинаковые глаза и чёрные волосы, как у вашей жены. «Дорин Килмах», – прочитала она. – Я слышала, он сейчас работает с Его Величеством?

– Да, Ваше Высочество, некоторые короли его любят.

– А вы?

– Я... я бы отправил его восвояси, – отрезал Георг. – Его картины отравляют душу, – он неосознанно повторил слова Май. Что-то зацепило его в этом портрете.

– Как такое возможно? – удивилась Марция.

– Простите, я не так выразился. Катрейна не любила Килмаха, да и Райгард его выгнал...

– Кто это? – Марция смотрела в сторону Южной башни.

– Это летописец, её зовут Самайя, – ответил Ноэль.

Мая стояла у двери, ведущей из башни в галерею, и явно не ожидала найти здесь посетителей.

– Здравствуй, Мая, – поприветствовал её Георг. – У тебя всё в порядке?

– Разумеется. – Она кивнула и скрылась в проходе.

– Она жила с Дайрусом, я помню. Почему он выбрал летописцем её? – недовольно спросила Марция.

– Она сама выбрала, – угрюмо возразил Ноэль.

– Да, такой выбор врагу не пожелаешь, – заметил Георг. – Должность летописца – это проклятие.

– Тогда почему она согласилась?

– Слишком часто мы делаем не что хотим, а что должны, – с горечью сказал Ноэль. Это Марция поймёт.

– Что ж, благодарю вас, барон, господин Сиверс, – Марция направилась к двери в Северную башню, откуда было рукой подать до её покоев.

– Прошу прощения, я вас оставляю, – на полпути Георг поклонился. – Меня ждут дома.

Отправив Ноэля провожать принцессу, Георг вернулся в галерею. Мимолётное чувство, будто он пропустил нечто важное, не оставляло его с тех пор, как Марция заговорила об Эйварде. Георг подошёл к его изображению, присмотрелся. Он узнал те же белый и красный цвета, что пузырились на портрете Айвариха, сгорая в огне, но не чувствовал прикосновения к разуму. Что же тогда? Или дело в словах Марции? Она сказала, что Райгард с Эйвардом похожи. Дайрус пошёл в отца, Райгард Сиверс такой же. Истинный Кройдом, как сотни других до него. Что ещё? Георг прошёлся вдоль портретов и вернулся обратно. Кто-то из предков Эйварда отличался формой губ, носа или подбородка, но все они были одинаково честолобивы и одинаково черноволосы. Георг похолодел. Второй раз картины сообщали ему то, что люди

желали спрятать подальше от чужих глаз. Он слепец, не видел того, что лежало перед глазами! «Зато у них обоих одинаковые глаза и чёрные волосы, как у вашей жены». С портрета Эйварда на Георга смотрели глаза его черноволосой жены Ванды.

Глава 3. Свадьба и похороны

– Значит, она дочь Рижитты?

Валер нехотя кивнул. Зять битый час сидел в его комнате, кипя от злости. Валер откинулся на подушку. В приоткрытое окно сзади врывался лёгкий тёплый ветерок, обдувая мокрые от пота волосы и принося с собой пыль, комаров и крики уличных торговцев. Валер предпочитал их запаху лекарств. Голова болела, кровь стучала в висках. Георг, заметив состояние тестя, заколебался, стоит ли продолжать разговор, однако Валер настоял. Времени у него осталось немного.

– Кто об этом знает?

– Члены клана. Такие вещи от них не утаишь.

– И они молчали?

– После того, как я привёз тела родителей и брата Ванды, они поклялись молчать на крови своих детей. Как могла мать так поступить с ребёнком?

Ханна Беллгор, мать Айвариха, отдала этот приказ. Самая отыскала нужные сведения в рукописной копии Летописи и на заседании Совета зачитала выдержку из книги, где говорилось, что убийство совершил отряд Чёрного Жилия. Жилье было сокращением от его прежнего прозвища – Двужильный. Несмотря на прозвище, он давно умер, но остались двое соучастников. По приказу Дайруса бандитов отыскивали, они под пытками сообщили, что нанял их Жилье, а его – Ханна Беллгор, чьи указания он выполнял и раньше. Их четвертовали на Волхидской площади под внимательным взглядом Валера. Неудивительно, что Айварих так неохотно искал убийц и в итоге объявил семью Рижитты жертвой неизвестных бандитов. Жилия он позже казнил за другое убийство, Ханна умерла от тяжёлой болезни через год после коронации сына. Валер был рад, что помог уничтожить сына этой женщины и её внуков. Весь род Дорвичей изведён под корень! Горы не забывают!

– Но как случилось, что никто больше не знал? – спросил Георг.

– Мы не объявляем о рождении дочери, не празднуем это событие. Ванда родилась за полгода до гибели матери, перед этим погиб Райгард. После его смерти Рижитта боялась за детей. Когда от Айвариха пришёл приказ явиться ко двору, она оставила Ванду дома. О ней никто не знал, мы всё скрывали, позже я объявил, что это моя дочь.

– Когда ты собирался мне рассказать?

Валер усмехнулся – вечно Ворнхолм хочет ответы на все вопросы. Но так не бывает.

– Никогда. – Негодование во взгляде Георга читалось отчётливо. – Я не хотел, чтобы кто-то знал.

В глазах на мгновение потемнело, Валер стиснул зубы – боль внутри стала невыносимой. Он стиснул в кулак ткань простыни, стараясь, чтобы зять ничего не заметил. Тонкое одеяло скрывало движения, утренний свет, бывший в лицо Георга, мешал ему разглядеть гримасу боли на лице Валера. Впрочем, сейчас Ворнхолм не заметил бы убийства прямо под носом – его интересовало другое:

– Но она – Кройдом! Наследница короля Эйварда!

– Она – Мэйдингор, по нашим законам у неё нет прав на трон! Впрочем, теперь она носит твоё имя, ты можешь посадить её на трон, как когда-то посадил Катрейну, – с интересом глядя на Георга, предложил Валер.

Георг содрогнулся от отвращения.

– Легче сказать, чем сделать, правда? – нарочито весело спросил Валер. – Я решил, что наследники часто умирают. Ты не заметил, что у потомков Свенейва дети или не рождались, или умирали в детстве, даже бастардами обзавестись они толком не могли? У каждого короля из Кройдомов был один-два сына, дочерей и того меньше. У Дорвичей та же проблема. Я про-

делал некоторые расчёты по нашим древним хроникам и пришёл к странному выводу: король, отдавая кровь Истинной Летописи, ослабляет и портит своё семя и семя своих потомков. Они вырождались. Почти всегда у короля не имелось братьев или сестёр.

– У Райгарда Первого родилось пятеро здоровых детей, – возразил Георг.

– А у Айвариха до свадьбы с Катрейной было двое сыновей, да-да, это так. Но сколько их дожило до наших дней? Из потомков по мужской линии – один Дайрус. Вот поэтому я боюсь, что пророчество сбудется.

– Пророчество? Что за чушь?

– Нравится мне твоё отношение к жизни. Ты не веришь в то, чего не можешь пощупать. Ванда такая же: икон ей мало, молитвы не для неё, древние ритуалы бессмысленны и занудны. Её боги должны стоять на расстоянии вытянутой руки и говорить с ней, она должна чувствовать их дыхание, тогда она в них поверит. Вы похожи больше, чем ты думаешь.

– Так почему она недовольна?

Валер пожал плечами:

– Она слишком молода и не знает, чего хочет.

– Почему ты не выдал её за кого-нибудь помоложе? Кого бы она понимала?

– Я не хотел терять время, да и сама она выбрала тебя, – напомнил Валер. – А ещё я хочу, чтобы ты занял моё место, если с Грегором что-то случится.

– Что? – Георг застыл у кровати, неосознанно вцепившись в свисавший сверху полог. Валер усмехнулся про себя и пояснил:

– Ты станешь главой нашего клана, если потребуется.

– Я не собираюсь... – Даже шрам на лице Георга побелел в знак протеста. Рука, державшая ткань балдахина, резко дёрнулась, оборвав одно из креплений под потолком. В наступившей тишине Валер расслышал, как упавший гвоздь звякнул об пол.

– Тогда дай мне внука, который заменит Грегора.

– Ты сам говорил, женщина не наследует...

– Я также говорил, что в твоих жилах течёт кровь горцев. Мой прапрадед был и твоим прапрадедом. По мужской линии. Младший сын моего прапрадеда женился на твоей прабабке, старшей дочери барона Ворнхолма, не имевшего сыновей. Не Ванда, а ты возглавишь клан. Ты или твой сын.

– А твои сыновья?

– Грегор вряд ли долго протянет. Лекари говорят, его может убить любое потрясение. Сердце не выдержит. Да и кто у нас всерьёз захочет вождя, неспособного победить врага в бою? – с горечью спросил Валер. Он давно копил в себе обиду на мироздание и богов, но время не лучшее, чтобы погружаться в отчаяние. Он всё равно собирался поговорить с Георгом о Рургарде. Жаль, что зять узнал, кто такая Ванда. Валер всегда считал: исполнение пророчества начинается тогда, когда о нём узнают слишком многие.

– А Макс?

– Макс... – Валер отвлёкся от мыслей. – Макс не вождь. Он чересчур самоуверен, глух ко всем, порывист, убеждён, будто он один знает, как и что делать.

– Разве мы были другими? – пожал плечами Георг.

– К тому же Макс бастард, король Дайрус отказался предоставить ему право наследования моего титула. – Валер и впрямь просил эту милость у Дайруса по требованию самого Макса. Король не позволил, чем порадовал Валера. В последнее время он начал замечать, что сын настроен слишком решительно против многих традиций, которые считал чужими. Макс всегда увлекался легендами о древних временах, верой скантов, но после гибели Айвариха его как подменили: словно близость к заветной мечте сорвала покровы. Или Валер прежде не замечал в нём этих черт? Да нет, раньше Макс не был одержим желанием получить титул барона, зато последние три года говорил об этом постоянно, называя эктарианство религией

слабаков и торгашей. Хуже всего, Макс тоже знал о происхождении Ванды, о том, что она не сестра ему вовсе. Он хотел Ванду и хотел Рургард. Первое он точно не получит. А вот второе... Горцам плевать, бастард ты или нет, им важны воинские навыки и имя отца. Макс уверен, что его примет хотя бы часть кланов. Валер иногда с ужасом представлял, во что выльется желание сына руководить огромным, сложным регионом, полным противоречий и взаимных обид. Если Макс получит власть, он передерётся с главами кланов, которые не пожелают признать его – тогда он либо погибнет, либо погубит Рургард. Погубит всё, что его предки создавали сотни лет! Макс слишком честолюбив, заносчив и самоуверен. Он не будет ни с кем договариваться, он предпочтёт лить кровь. С него станется начать борьбу за возрождение язычества, начнётся резня эктариан. Георг подойдёт на роль главы Рургарда куда лучше, если, конечно, заставить его это принять.

– Так ты это задумал с самого начала? – голос Георга отвлёл Валера от размышлений.

– Не с самого. Сначала всё, чего я хотел, – чтобы не сбылось пророчество.

– А что там о пророчестве?

– Пророчество... – Валер задумался. – Знаешь, мы живём в странном мире, где магия переплетена с обыденностью. Волшебная Летопись сообщает о том, кто с кем спит, кто где прячет деньги, кто кого убил, а простые домашние хроники скрывают порой истинную магию слова. – Кажется, Георг немного растерялся, подумал Валер. Надо бы поконкретнее.

– В моей семье пятьсот лет хранится древняя хроника на скантском языке. Она написана рунами, читать которые уже почти никто не может. У нас в те времена знания передавались от жреца к жрецу; потом пришли эктариане, знания стали уходить, лишь некоторые передавали их детям и внукам. Мои предки – потомки волхидов.

Георг смотрел на Валера, словно тот превратился в медведя. Валер напрягся: неужели он ошибся?

– Ты считаешь, что сканты просто исчезли? – буркнул он. – Нет, Георг, мы все когда-то были скантами, поклонялись их богам.

– Этим меня не удивишь.

– Тогда в чём дело?

– Просто сейчас многие вспоминают о тех временах и богах.

Валер хмыкнул:

– Что странного, если люди решили вернуться к корням?

– Люди часто тянутся к прошлому, если недовольны настоящим и не верят в будущее.

Но прошлого не существует.

– А кто сказал, что это прошлое? Георг, идёт возрождение старой веры. Я чувствую это давно, и мне страшно.

– Почему?

– Потому что это приведёт к ещё большей войне, и ты способен сохранить разум и самообладание среди хаоса. Ты сможешь Ванде спастись, когда придёт её время.

– Но почему ты молчал?

– Я надеялся, что ошибаюсь, да к тому же знать о пророчестве – это огромная ответственность. Я нёс её всю жизнь, теперь передам тебе.

– Скажи, наконец, о чём это пророчество?

– «Если род Свенеява утратит трон, на землю обрушатся четыре стихии. Остановить их сможет лишь кровь четырех последних наследников Свенеява, которая соединится в одной жертве и дарует магии предков свободу». Так написано в книге. Говорят, это пророчество сделал Армаг, когда не сумел договориться с Ярвисом о том, чтобы забрать Летопись в Иштирию. Помнишь, ты как-то спросил, почему бы мне не выдать Ванду за Райгарда?

– Ты сказал, потому что он бастард и наследник по женской линии.

– А точнее, представитель нового рода, как и Ванда. Если любой из них сядет на трон, это погубит всех потомков Свенейва.

– Это же просто сказки, – возразил Георг.

– Я предпочитаю не видеть, как сказка станет былью, ведь мужское потомство Свенейва неуклонно уменьшается. Сам проверь по их родовому древу. Я много лет наблюдал за тем, кто рождался и умирал, отслеживал судьбы наследников. Думаю, ни один король Сканналии не знал свою родословную лучше меня. Если я ошибаюсь, пусть так, Ванда получила хорошего мужа, а её происхождение никого не касается. Если я прав... – Валер замолчал, давая этой мысли улечься в голове Георга. – Тогда ты должен сделать всё, чтобы Дайрус и его сыновья выжили. Ты должен предотвратить то, что предсказано: гибель династии, гибель моей дочери. Ты встанешь между нею и провидением, в которое так упорно не веришь. Ирония судьбы, правда? Убийца одного Кройдома должен спасти остальных. Считай, что это плата за твой грех. – Валер почти пожалел Георга, взиравшего на него с ужасом.

Валер с трудом сел на постели, внимательно глядя на собеседника:

– Ты боишься? Хочешь отступить?

– Отступить? От чего? Пока это лишь слова, гадание на пустом месте.

– Ты последователен, зять мой. Я знал, что ты не согласишься, но у меня не осталось времени на поиск доказательств.

– Почему?

– Я умираю, Георг. Туман сгущается, скоро подует северный ветер. Мне осталось несколько дней, я прибыл сюда передать тебе мою ношу. Раз уж ты узнал правду, я также хочу предупредить тебя о грядущем. Береги мою дочь.

– Я бы и так...

– Ты думаешь об изуродованной спальне, о красных покрывалах, бессмысленных скандалах! Это всё чепуха, вас обоих ждут испытания похуже! Я хочу, чтобы ты понимал это, а не гонялся с ножом за теми, с кем она флиртует.

Георг хотел возразить – Валер отмахнулся:

– Оставь меня сейчас, я устал и хочу спать.

Георг кивнул и направился к выходу, замерев на пороге:

– Откуда Ванда узнала, что я написал портрет Катрейны? – обернувшись, невпопад спросил он. Валер не видел причин скрывать и горделиво ответил:

– Ты сам себя выдал. На портрете твой знак.

– Знак? Я не подписывал портрета.

– Я не сказал подпись. На Катрейне подаренное тобой ожерелье. Я случайно купил его у Айвариха после того, как королевские драгоценности перешли от Катрейны к Тории. Айварих сказал, что Катрейна никогда его не носила, потому что его подарил ты.

– Не носила, – Георг покачал головой, – но я представлял его на ней.

– И забыл об этом?

– Я вообще не помню, как писал портрет.

– Вот так моя дочь всё узнала, разве это не чудо, не провидение? Не ёрничай! – Валер оборвал попытки зятя посмеяться над этим предположением. – И ещё: похорони меня в усыпальнице твоих предков, если я умру здесь, – попросил Валер. Георг кивнул.

Когда зять ушёл, Валер упал на подушку. Боль, словно притаившаяся внутри на время разговора, охватила его снова, слабость растекалась по телу. Да, ему пора отдохнуть. Скоро ему откроются Врата Покоя, и он войдёт... Он не знал, куда попадёт. В царство древних богов? В эктарианский рай? Или в ад?

– Ну что? Они согласились? – нетерпеливо спросил Райгард. Ноэль покачал головой. Сын замер как от удара.

– Не согласились, но и не отказали, – неторопливо ответил Ноэль, усаживаясь в кресло. Нога болела, как и раньше. Беспокоила его и другая боль – она поселилась внутри, всё чаще давая о себе знать. Лекарь сказал, что это последствия пыток и жизни в подземелье. Почки постепенно отказывали, слабость, тошнота и сонливость накатывали постоянно, помочиться порой становилось проблемой. Усиливались боли в голове и животе – иногда они сводили с ума. Дим по просьбе Райгарда осмотрел его, но помочь не смог, лишь давал ослабляющие боль настойки.

Ноэль откинулся в кресле, переводя дыхание. Райгард это заметил и покраснел: наверное, устыдился того, что заставил отца тащиться в дом Ривенхедов просить руки Илзы, хотя Ноэль теперь даже поводя с трудом держал и верхом почти не ездил. Предстоящая миссия его не радовала, однако чего не сделаешь ради сына! К тому же он верил: Эйвард откажет Райгарду.

– Они тебя хорошо приняли? – Хорошо, если не считать презрительного взгляда Николя.

– Примерно как я рассчитывал. Думаю, они ожидали этой просьбы, – Ноэль внимательно посмотрел на сына. Как далеко у них с Илзой всё зашло? По поведению девушки в день приезда королевы он не сказал бы, что Илза рада видеть Райгарда.

– И что?

– Эйвард даст ответ после свадьбы короля, – Ноэль не был уверен, что ответ будет положительным.

– Зачем откладывать?

Ноэль покачал головой: Райгард что, не понимает, чего хотят Ривенхеды?

– Райгард, это их решение, я не могу на него повлиять. А сама Илза что думает?

– Я... не спрашивал.

– То есть как? – Ноэль опешил от изумления.

– Ну, она, конечно, знает, что я её люблю...

– Ты ей сказал?

– Это и так понятно.

– Ей тоже понятно?

– Отец, не начинай!

– Не начинать? – Ноэль повысил голос: – Райгард, с чего ты взял, что она захочет выйти за тебя?

– А почему нет? Потому что я бастард? – крикнул Райгард.

– Да при чём тут это? – взорвался Ноэль. – Что ты знаешь о её чувствах? Или ты видишь только свои? Почему ты не спросил её согласия?

– Я говорил ей четыре года назад, что хочу жениться...

– Четыре года – долгий срок. Прежде чем посылать меня с таким поручением, тебе следовало поговорить с ней!

Илза выглядела ослепительно – Дайрус с тоской проводил её взглядом. Ладная, хорошенькая, её каштановые локоны спускались на белоснежные плечи, соблазнительно выглядывавшие из-под зелёного платья, чистое красивое лицо приковывало взоры. Прошедшую ночь они впервые за три года провели вместе. Правда, наутро Илза ударилась в истерику из-за предстоящей свадьбы, но Карл, к счастью, её уgomонил. Сейчас Илза улыбалась королю и его невесте, однако Дайрус заметил, с какой жалостью она смотрит на Марцию. «Лучше бы меня пожалела», – подумал он. Каждый шаг к алтарю давался королю с таким трудом, словно он поднимался на эшафот. Роскошное белое атласно-шёлковое платье с длинным шлейфом подчёркивало не слишком пышную грудь и невысокий рост Марции. Хорошо, хоть фата скрывает её лицо, иначе он точно сбежал бы из-под венца. Чёрт, как с ней целоваться, когда она поднимет фату? Дайрус ощутил слабость при одной мысли об этом. Нет, надо постараться! Может, закрыть глаза? Или поцеловать её в здоровую щеку? Мысли метались, как мухи в паутине, а

доминиарх уже близко и что-то говорит. Надо было его послушать и плевать на Гиёмона! Что он сделает, в конце концов? Вон, Айварих посылал его матримониальные планы куда подальше и не раз. «Ну да, и где сейчас Айварих?» – спросил насмешливый голос внутри. Этот голос иногда надоедал до невозможного.

Шум стоял невообразимый, первый летний день оказался солнечным, зрители с утра занимали места у собора и внутри него. Несмотря на прохладу в соборе Дайрус задыхался. Они с Марцией по очереди повторили клятвы верности, выслушали наставления Теодора Ривенхеда. Дайрус сумел-таки, закрыв глаза, коснуться губами уродливого лица. Кажется, он промахнулся мимо губ, ну и ладно. Сойдёт. Дайрус почувствовал облегчение при мысли, что дело сделано. Теперь Гиёмон ему не угроза! Где-то над головой зазвонил колокол – Дайрус вздрогнул. Ему хотелось заткнуть уши и не слышать, как бронзовый язык извещает Нортхед о появлении королевы. Кровь в висках стучала в такт ударам.

По пути во дворец за ними следовала толпа, разделённая по сословиям. Сначала шли высшие сановники и церковники, потом простые дворяне, стражники, монахи, богатые купцы и члены городского совета, дальше – скульпторы, кожевники, столяры, пекари, сапожники, торговцы, рыбаки, золотых дел мастера и прочие ремесленники, а также орущие дети, одетые в костюмы Сканналии и Барундии. Над толпой ревели трубы, стучали барабаны. Всюду летали ленты, валялись цветы, все казались довольными. Путь свадебной процессии украшали венки, факелы, надписи и короны обеих стран. Дайрус хмурился, глядя на это веселье.

Прибыв во дворец, Дайрус и Марция поднялись в покои королевы. Руки Дайруса мелко дрожали.

– Марция, прошу вас, располагайтесь, – обратился он к жене. – А мне нужно уйти ненадолго.

Она недоуменно посмотрела на короля. Дайрус разозлился. Не успели пожениться, она уже пытается его контролировать!

– Я должен попрощаться с Валером Мэйдингором, – раздражённо сказал он. – Барон был одним из самых преданных моих подданных. Его хоронят сегодня. – Отличный повод, чтобы кое-куда сходить после того подвига, что он совершил.

– Ваше Величество, позвольте мне присутствовать, ведь ваши подданные теперь и мои тоже, – тихо попросила Марция. Дайрус опешил. Какая невеста в день свадьбы захочет идти на похороны? А как же многочисленные приметы? И что скажут люди? «Скажут, что жена должна следовать за мужем», – ехидно заметил внутренний голос.

– Но как вы поедете в таком виде?

– Я переоденусь и надену чёрный плащ.

Дура, она что, поверила, будто он пойдёт на похороны? А ведь до Калерии так близко! Плюнуть и остаться? Заподозрит неладное. Запретить идти? А если она всё равно поедет? Марция та ещё штучка, в маму, а Маэрина орешек потвёрже мужа. А может и впрямь пойти на похороны? В конце концов, на свою свадьбу он же пошёл – одними похоронами больше, одними меньше. Ладно, чёрт с ней, сама напросилась.

– Если вы так желаете, поедем вместе, – Дайрус с досадой вышел из комнаты, чтобы не видеть, как она переодевается.

Маленький храм у Волхидской площади был переполнен. «Не ты один после свадьбы отправился на похороны», – в этом Дайрус согласился с невидимым собеседником. К удивлению короля, здесь находились не только Мэйдингоры и Ворнхолм с женой, но и печальный Райгард. Рядом с ним стояли грозного вида люди.

О смерти Валера Дайрусу сообщил мрачный Георг Ворнхолм после того, как разбудил с утра пораньше. Дайрус спросонья не сразу понял, о чём речь. Оказалось, что на рассвете Георг обнаружил труп Валера и теперь просит у короля разрешения организовать похороны и присутствовать на службе вместо свадьбы. На требование Дайруса перенести похороны Георг

сказал, что горцы этого не поймут: по их обычаям путь мертвеца на погост должен начаться в день смерти и закончиться в день похорон. Поскольку усыпальница Ворнхолмов находилась на кладбище Нортхеда, Валера надлежит похоронить сегодня.

– Ваше Величество, недалеко от Волхидской площади есть церквушка, там мы не помешаем вашей процессии. Сегодня Врата Покоя открылись и не закроются, пока душа Валера не обретёт покой.

«Не знал, что он умеет говорить так напыщенно», – подумал Дайрус. Упоминание Врат вызвало у него лёгкую дрожь, сонливость сразу испарилась.

– Валер просил похоронить его на кладбище Нортхеда, я обязан уважить его последнюю просьбу. – Георг говорил так, словно уже всё решил. Это обозлило Дайруса, но не ссориться же с Мэйдингорами из-за такой мелочи? Он выдавил согласие и снова улёгся спать – правда, сон так и не пришёл. Он подумать не мог, что днём окажется на похоронах!

Все, кто был в церкви, поражённо смотрели на королевскую чету. Дайрус почувствовал неловкость. Его здесь не ждали, да и сам он толком не понимал, что тут делает, ведь он почти не знал Мэйдингора: тот редко выезжал за пределы Рургарда.

– Ваше Величество, для меня и моей семьи это огромная честь, – худосочный, болезненный на вид мужчина с блеклыми безжизненными волосами подошёл к Дайрусу.

– Грегор Мэйдингор, старший сын Валера, – тихо представил мужчину Ворнхолм. «Так это и есть наследник могущественного барона? Нда, надеюсь, Марция подарит мне наследника получше».

– Сочувствую вашему горю, – коротко ответил Дайрус. – Мы с супругой скорбим о вашей потере.

Грегор поклонился и вернулся к гробу отца, шатаясь то ли от горя, то ли от слабости. Бастард Макс шёл рядом – очевидно, чтобы брат не свалился в обморок. Дайрус тоже подошёл к гробу, Марция не отставала, сняв капюшон с головы. Люди в церкви переглядывались, шептались. Лицо королевы напряглось и стало отвратительным, она выпрямилась, не смотря по сторонам. Дайрус отвернулся – лучше любоваться на покойника, чем на новобрачную. Валер выглядел обеспокоенным – словно умер не во сне, а при решении государственных дел. Густые брови кустились на восковом лице, покрытом морщинами. О чём он думал перед смертью? Предчувствовал её или умер во сне? Дайрус не знал и не желал знать. Он быстро пробормотал молитву, теребя золотую струну на шее. Марция молилась рядом.

Дайрус дождался, когда её губы замерли, взял жену под руку и направился к выходу, кивнув по дороге родным и друзьям Валера. Их путь лежал к Вратам Покоя, его – к брачному ложу. Дайрус им завидовал.

Глава 4. Брачная ночь

Свадебный пир затянулся до ночи: король всё никак не отпускал музыкантов, певцов, фокусников и всех, кто мог хоть как-то оттянуть конец праздника. Под звуки фанфар герольд объявлял о появлении очередного блюда, после чего входил королевский камергер со свитой из четырёх сенешалей, тридцати пажей и стражников – они несли подносы с рыбой, мясом и сладким.

Райгард уже наелся досыта, немало выпил и с трудом понимал, что тут делает, время от времени пытаясь пересчитать золочёные звёзды и планеты, сверкавшие на потолке украшенного к празднику зала. Только укоризненный взгляд отца удерживал Райгарда от того, чтобы упиться до бесчувствия. Идти на пир после поминок – как его угораздило? Мэйдингоры и Ворнхолмы решили провести ночь, поминая Валера, и Райгард предпочёл бы их компанию. Сегодня думать об удовольствиях он не хотел, но не мог же он подвести дядю-короля.

Впрочем, как заметил Райгард, Дайрус тоже не в настроении. Что ж, Марция не красавица – зато она хорошо держится. Женщина, способная в день свадьбы последовать за мужем на похороны, заслуживает уважения. Райгард бы даже сказал, восхищения. После первого шока именно его он почувствовал, когда Дайрус с Марцией зашли в церковь.

Илза сидела напротив и за вечер выпила несколько бокалов вина, но почти ничего не ела. Её братья давно забыли о сестре: Эйвард ухаживал за дочкой барона Узенрека Оливией, пьяный Николь валялся в углу. Райгард нехотя разглядывал пышное цветастое убранство зала, золотую и серебряную посуду на столах, обглоданные кости на полу в лужах пролитого вина. Два музыканта попытались исполнить одну и ту же песню на разных инструментах – от их исполнения Райгарду захотелось заткнуть уши. Музыканты тоже опьянели и хохотали громче гостей, кривляясь перед девушками в коротких светлых туниках, которые обносили гостей вином и сладостями. Кажется, один Дайрус отказывался принять, что праздник окончен: он тянул время, требуя песен, фокусов и откладывая вынос последнего на сегодня блюда – свадебного торта.

Дайрус уже потанцевал почти со всеми дамами в зале, кроме жены. Когда Райгард намекнул, что неплохо бы развлечь супругу, король вскочил, пригласил Марцию на танец и через минуту оставил в одиночестве. Райгарду пришлось самому танцевать с ней. Королева казалась холодной как статуя, её глаза смотрели больше в пол, чем на партнёра. Райгард тоже часто отводил взгляд: ему не хотелось смущать её жалостью. Он даже толком не помнил, о чём они говорили. После этого он и напился. Вообще за весь вечер Марция мало с кем общалась. Только с отцом она беседовала долго, даже оживилась немного. Райгард мечтал пригласить на танец Илзу, но та куда-то делась. Лишь бы Ривенхеды не отказали, иначе он способен по примеру горцев похитить её и увезти куда глаза глядят!

– Что-то твоей сестры не видно, Эйвард, – услышал Райгард слова Энгуса Краска, который за весь вечер не выпил ни капли спиртного.

– А ты, типа, хотел за ней приударить? – заплетающимся языком спросил очухавшийся Николь, встав за спиной Краска и обдавая его перегаром. Краск поморщился, Николь осоловевшими глазами обшаривал стол в поисках выпивки.

Эйвард равнодушно окинул взглядом зал:

– Мало ли куда даме пришлось выйти. Не могу же я следить за ней, как наш летописец?

– Вот уж кто способен проследить даже вошь в супружеской спальне! – захохотал Николь. – Ваше Величество! – заорал он. – А Мая будет описывать, как вы сегодня сношаете супругу?

Марция окаменела.

– Господин Ривенхед, если вы не в состоянии подчинить язык разуму, вам лучше молчать! – резко сказал Ноэль и поднялся с места. Райгард опешил: отец иногда злился на других, мог вспылить, но чтобы на одного из Ривенхедов!

– А, господин Сиверс! – осклабился Николь. – Чем вам не нравится слово «сношать»? Или вам больше нравится «трахать»? Не говорите, будто не знаете, что это такое...

Райгард нанёс короткий удар ему поддых и наподдал ногой. Уроки Дима вспомнились даже сквозь полупьяный туман. Николь как набитый трухой мешок свалился на пол, кривясь от боли. Эйвард оторвался от своей дамы и бросился оттаскивать Райгарда от брата.

– Ты, ублюдок, не смей так говорить с моим отцом! И извинись перед Её Величеством!

Николь сел, упираясь руками в пол и злобно глядя на Райгарда.

– Если кто и ублюдок, так это ты! Я сейчас...

– Ник, делай, как он сказал, или я добавлю! – приказал Эйвард.

– Что? Да я...

– Ваше Величество, – обратился Эйвард к Марции, – с сожалением должен заметить, что мой брат слишком пьян. Завтра он осознает сделанную ошибку, а пока я вынужден просить прощения за него.

– Не стоит извиняться за других, – Марция поднялась, сверкая глазами на Эйварда и игнорируя Николь. – Думаю, праздник окончен. Ваше Величество, я не буду ждать свадебного торта. Сопроводите меня, пожалуйста, в спальню.

Марция подошла к Дайрусу, взяла его под руку. Король недовольно нахмурился, оглядел поле боя и поманил племянника пальцем. Райгард нехотя подошёл.

– Будь другом, сходи к Мае, скажи ей, пусть ложится спать. Или пусть придёт сюда и съест торт вместо нас, – фыркнул он.

Райгард кивнул. Только когда Дайрус с Марцией вышли, он понял, что не может оставить отца в такую минуту.

– Отец, идём. – Райгард потянул Ноэля за собой.

– Да, беги, папенькин сыночек, – пробормотал Николь. – Слышь, Эйв, и он хочет породниться с нами! Жалкий выскочка, я до него ещё... – Эйвард, прищурившись, осмотрел брата, потом махнул слугам и приказал отвести его на улицу к поджидающей карете.

Гости тоже засобирались, хотя кое-кто, похоже, останется спать до утра прямо на полу. Музыканты после ухода короля смолкли, вместо песен слышался их храп. Слуги внесли пирог, но на него никто не посмотрел.

– Райгард, не делай так больше, пожалуйста, – попросил Ноэль, когда они оказались одни в пустынном коридоре.

– Но я должен... – Райгард до сих пор не отошёл от драки.

– Нет уж, позволь мне решать свои проблемы самому.

– Он же оскорбил королеву тоже...

– Поверь, королеве скандал с пьяным не нужен.

– Так что, делать вид, будто ничего не случилось?

– Её Величество именно так и поступила. Бери с неё пример.

– Но отец!.. – Райгард обиженно замолчал. Голова кружилась, во рту был мерзкий привкус.

– Иди спать, прошу тебя, – сказал Ноэль.

– А Мая?

– Я найду её и передам просьбу короля. Иди спать, сынок.

Отец давно не говорил с ним как с маленьким, однако сейчас Райгарда это не задевало. Он подумал, не поискать ли Илзу, но не врываться же в комнаты фрейлин? Лучше и впрямь пойти спать.

Добравшись до спальни, Райгард не сразу понял, что находится там не один. На постели сидела закутанная в плащ Илза. Девушка улыбнулась, глядя куда-то над головой Райгарда. Мысли перепутались окончательно.

– Ты ко мне? – глупый вопрос: кого ещё можно ждать в комнате начальника королевской стражи?

Она посмотрела на него, пламя свечей отразилось в её глазах, сделав их непроницаемыми, как зеркала. Илза откинула плащ: больше на ней не было абсолютно ничего. Она встала, плащ выскользнул из её пальцев и с шорохом опустился на пол.

Райгард тяжело задышал, возбуждение нахлынуло как штормовая волна, он ощутил, что ему не хватает дыхания. Илза подошла, расстегнула застёжку камзола, потом следующую. Райгард начал помогать, чувствуя, как маленькие пальчики спускаются всё ниже. Он сглотнул и рванул камзол так, что оставшиеся кожаные застёжки порвались, потом стянул рубаху и штаны. Он не ожидал, что Илза вот так примет его предложение. Будем считать, что у него тоже брачная ночь, как у короля. Райгард поцеловал Илзу – она покорно опустилась на постель.

Самайя, открыв на его стук, устало улыбнулась. Закрытая Летопись лежала на деревянной подставке.

– Прошу прощения за вторжение, Самайя. Я здесь по просьбе короля.

– Он вас прислал?

– Он отправил Райгарда...

– А, решил держать драчуна подальше от добропорядочных пьяниц? – она говорила спокойно и могла показаться равнодушной, но Ноэлю послышалась лёгкая насмешка.

– Пожалуй. Я отправил сына спать.

– Думаю, Райгард будет вам благодарен, – Самайя склонила голову, глядя на него как-то странно. – Что же нужно от меня королю?

Ноэль осмотрелся. Небольшая комнатка: два окна, полки с книгами, стол, кресло, умывальник, канделябр на три свечи. Он не увидел ничего, напоминающего жилище колдуньи, как часто называли Самайю. Кровать приготовлена для сна. Кажется, ему здесь не место.

– Его Величество просит вас закончить работу на сегодня, – Ноэлю с трудом дались эти слова. Неловкость ситуации выводила его из себя.

– Понимаю, – Самайя медленно подошла к столу. – Присядьте, пожалуйста, – она указала на кресло.

– Нет, мне, наверное, пора, – Ноэль не хотел уходить, ему казалось, что вынужденное одиночество для неё тяжело. С другой стороны, он всё равно уйдёт, она опять останется одна. До конца дней. Он содрогнулся.

– У вас нога болит, дайте ей передышку. – Она взглянула на него, мерцание свечей в её глазах полыхнуло как огонь. Сейчас она особенно походила на ведьму из сказок. Ноэль отогнал наваждение, но боль и впрямь его беспокоила. Хождение по ступенькам всегда вызывало трудности, он и сюда-то по лестницам и переходам между башнями добирался больше получаса. Нога ныла так, что он боялся не дойти обратно. Ноэль сел в кресло и с улыбкой спросил:

– А об этом вам тоже Летопись сообщила?

– Вы хромаете больше, чем обычно, – она присела на скамейку у стены.

– А для вас не опасно говорить со мной?

Она печально улыбнулась.

– Летописец не обязан жить один, – она задумчиво смотрела на свечу: та зашипела и погасла. Зажигать её снова Самайя не стала. – Я могу выходить, общаться с людьми, слушать и наблюдать, пировать с остальными, но в беседе участвуют, по крайней мере, двое, а в разговоре со мной собеседник говорит как бы сам с собой. Я не могу дать ему совет или ответить на вопрос, если это даст ему повод к действию. В народе часто говорят «моё дело – сторона»,

однако сторона, в некотором роде, тоже выбор. Летописец выразился бы иначе: «всё, что происходит, – не моё дело».

– Это ведь нелегко, правда? – Ноэль массировал колено, скрывая смущение. Самая казалась теперь спокойной, почти холодной. Она пожала плечами:

– Я привыкаю. Окружающие не всегда понимают и обижаются.

– Я понимаю, – он посмотрел на неё: – и, поверьте мне, восхищаюсь вами.

Самая на мгновение растерялась и тут же опять закрылась в своей раковине.

– Я редко видела вас после войны. Как ваш дом?

– Мы с сыном его отстроили, – Ноэль был рад перевести разговор на безопасную тему. – Жаль, что вы не сможете у нас побывать.

– Моё место здесь, – она окинула комнату взглядом, в котором Ноэль уловил едва заметную горечь.

– Прежний летописец тоже жил здесь?

– Да, почти всё осталось от него. – Ещё одна свеча погасла. Ноэль зачарованно уставился на единственный живой огонёк. Если погаснет и он, подумал Ноэль, они останутся наедине в темноте. Темнота и Самая после того дня, когда казнили Катрейну, часто соединялись в единое целое в его снах. Он ощущал лёгкий поцелуй в губы, слышал чей-то знакомый голос, говоривший «Ты хочешь спасти его, погубив себя?». Она стирала кровь с его лица, но, проснувшись, Ноэль не понимал, откуда взялись эти видения. Иногда он жалел, что это лишь сон.

Неприличные мысли зашевелились где-то в мозгу. Он слишком давно не позволял себе вспоминать о женщине в постели. К тому же, после войны его постоянно мучили боли в почках, в руке, в колене, отбивая любые желания. Сейчас болей не было, и собственная реакция напугала его. Он что, совсем сошёл с ума от воздержания? Она же ровесница его сына!

– Мне пора, – Ноэль поднялся. – Сегодня был трудный день.

– Я тоже хотела выйти на свежий воздух. Люблю гулять ночью, когда все спят.

Ноэлю захотелось забрать её отсюда, но куда? Ей нет места в обычной жизни. Самая взяла оставшуюся свечу, переставила её на небольшой подсвечник и открыла дверь.

Они спускались внутри башни в тишине, пламя металось по стенам. Ноэль часто останавливался, Самая терпеливо ждала, не предлагая помощи. Даже такую мелочь летописец позволить себе не мог. Он понял это, когда увидел её виноватое, расстроенное лицо. Он улыбнулся ей. Огромная чёрная тень Самая вырисовывалась на стене – такая же беспомощная и безмолвная, как её хозяйка. Тень среди старых камней, тень среди людей, тень среди меняющихся времён.

На втором этаже, у двери в покои короля, раздались крики:

– Лекаря!

Ноэль, преодолевая боль, заставил себя идти быстрее. Самая шла рядом.

– Ну, давай, – Дайрус пыхтел, приказывая своему органу восстать, словно тот мог послушаться полупьяного крика. Марция, прикрываясь одеялом, смотрела на мужа, с трудом скрывая отвращение и слёзы. Дайрус пытался исполнить супружеский долг, но такими темпами он не управится и к утру. Неужели он так её ненавидит? Разве её вина, что болезнь прошла по ней, и ни один мужчина на посмотрит теперь на неё с любовью и желанием?

– Это из-за тебя, – Дайрус плюхнулся на кровать, его шея оказалась возле её лица. Вены на шее вздулись, кожа покраснелась. «Как бы его удар не хватил», – подумала Марция. Она не знала, как быть. Мать готовила её к отношениям с мужчинами, объясняла, как себя вести, когда они, точно животные, рвутся утвердить власть над женой, однако о таком она не говорила. Наверное, отец никогда не давал матери повода думать, будто так бывает. Почему Дайрус не такой? По слухам, у него было много женщин.

– Ты-то чего ревёшь? – Она не заметила, как заплакала. Марция вытерла слёзы одеялом и уткнулась в него лицом. Грудь горела от поцелуев, которыми Дайрус покрывал её, пытаясь возбудиться. Хуже всего, её начало подташнивать. Может, из-за устриц? Сегодня подавали отварные устрицы в подливке из миндального молока с луком и гвоздикой – она съела их немало, не сразу заметив, что они пересолены. Из-за соли очень хочется пить. Дайрус подошёл к столу, раздражённо плеснул в кубок вина из бутылки. Она подумала, не выпить ли тоже, но вина не хотелось. На столе стоял графин фруктовой воды.

– Ваше Величество, подайте, пожалуйста, воды, – попросила Марция, не желая вылезать из-под одеяла. Дайрус неохотно оторвался от своего бокала и налил воды в другой бокал. Она выпила воду с жадностью – сухость во рту не прошла. Не попросить ли ещё? Муж казался таким раздражённым, что она не решилась. Внезапно её замутило. Марция отвернулась, подползла к краю кровати. Её стошнило.

– Ты что, очумела? – откуда-то издалека послышался возмущённый голос Дайруса. – И что мне теперь делать? Не могла подождать, пока я закончу?

– Ваше Величество, – прошептала Марция. Желудок скрутило от боли. – Мне плохо. Воды! Позовите лекаря... – Марция заставила себя посмотреть на мужа, его фигура расплывалась перед глазами.

– Лекаря? Где я его сейчас найду? Эй, ты что? – Дайрус растерянно смотрел на жену, потом голышом с бокалом в руке выбежал в коридор и заорал: – Кто-нибудь, зовите Карла! Срочно! Лекаря!

Марцию снова вырвало прямо на одеяло, она скрючилась на постели, держась за живот и сморщившись от жуткой боли. Дайрус лихорадочно осмотрелся, увидел почти пустой графин и наполнил бокал оставшейся водой, пролив половину. Марция с трудом выпила воду – легче не стало. К тому времени, когда прибыл Карл, ей казалось, что она умирает. Пальцы лекаря впились в её обнажённое плечо, она с трудом сфокусировала взгляд на его глазах. Марции показалось, что в них она прочитала приговор. Она потеряла сознание.

Райгард, услышав крики за стеной, с трудом заставил себя выбраться из-под одеяла. Илза спала крепко – он не стал её будить. Он оделся, вспоминая каждый миг сегодняшней ночи, и только потом понял, что ночь ещё не окончена: за окном была совершенная темень.

Опясавшись шпагой, он выскочил за дверь. Шум раздавался со стороны королевской спальни – Райгард двинулся туда.

Спальня Дайруса была в беспорядке, у кровати и на ней виднелись следы рвоты. Карл осматривал бесчувственную Марцию, чьё лицо искажала болезненная гримаса. Отец с Маей стояли рядом, Мая вскоре незаметно исчезла.

– Королеве плохо! – Голый Дайрус стоял у постели, нетерпеливо глядя, как Карл осматривает жену. Ноэль подхромал к королю, протянул ему халат, который Дайрус натянул, даже не заметив.

– Она отравилась на пиру? – спросил Райгард. Думать о том, что королеву отравили, он не хотел, хотя эта мысль мелькнула у него в голове.

Карл Немой пожал плечами, обняв бокал на столике у кровати. Он после войны уехал в Барундию, где служил лекарем знатных особ. Именно он спас Марцию во время эпидемии оспы, став её личным врачом. С ней он и вернулся в Сканналию.

– Она жива? – спросил Ноэль.

Карл кивнул и поднялся, показывая, что ему нужно выйти.

– Я позову её фрейлину, – Райгард решил, что лучше он сам скажет Илзе о случившемся. Он направился к себе в комнату и начал будить Илзу. Она села на постели, недоуменно осматриваясь по сторонам. Райгард наклонился, чтобы поцеловать её.

– Подонок! Ты меня изнасиловал! Как ты посмел? – заорала она.

Райгард опешил:

– Изнасиловал? Да ты же сама хотела...

– Хотела? Ты врешь! Я бы никогда... Ты опоил меня чем-то, притащил сюда, ты воспользовался... – она зарыдала, пытаясь одновременно прикрыть наготу. – Моё платье... Верни его!

– Да вот твоё платье! – Райгард подобрал его с пола и кинул на постель. – Я его с тебя не снимал, ты сама...

– Сама?! Как ты смеешь! Ублюдок! Ненавижу! – слёзы градом лились по её щекам. Да в чём дело? Она не соображала, что делает? Или и впрямь так напилась, что не помнит? Но она не показалась ему пьяной. Что же делать? Райгард растерянно озирался, будто ответы могли затесаться среди груды одежды на полу.

– Послушай, Илза, я не знаю, почему ты не помнишь, но обещаю, мы сразу поженимся...

– Поженимся?! – Она посмотрела на него с такой ненавистью, что Райгард попятился.

– Никогда я не стану твоей женой, мерзавец, – прошипела она. – И не присылай больше папашу к моим братьям! Они долго ругались после его прошлого визита!

Райгард отшатнулся. Он был уверен, что всё стоворено, однако отец оказался прав: он не знал, чего она хочет.

Илза кое-как натянула шёлковую нижнюю рубаху и платье, отыскала туфли. Чулки валялись на полу, она схватила их, скомкала в руках.

– Не смей никому хвастаться, что провёл ночь со мной. Я скажу, что ты всё врешь! – Её трясло от злости. Райгард подумал, что если её увидят со включенной причёской и в кое-как надетом платье, то говорить никому ничего не придётся. Она выбежала за дверь, так и не узнав, что нужна королеве. Райгард закрыл глаза, застонал и опустился на постель.

Глава 5. Свидетельство Истинной Летописи

Весь кошмар происходящего до Дайруса начал доходить лишь к утру. Марция пока не пришла в себя. Королеву перенесли в её комнаты, служанка Хлоя суежилась вокруг хозяйки, причитая от страха, Илза выглядела такой расстроенной, что Дайрус удивился. Впрочем, чёрт с ней, с Илзой. Его куда больше волновал ГиEMON и то, что он сделает, узнав о смерти дочери. Флот ГиEMONа стоял в Северной гавани, барон Морс уже наверняка отправил королю донесение. Дайрус был уверен: ГиEMON с Маэриной не успокоятся, пока не выяснят правду. Даже если Марция сама отравилась, они заставят его заплатить. ГиEMON – за потерю влияния в Сканналии, Маэрина – за дочь.

– Ваше Величество, вы не заняты?

Да чем он может быть занят?! Представляет, как ГиEMON подвесит его за ребро на пику! Нет, с этим надо заканчивать. Он теперь король, а не мальчик для битья! Если потребуется, он соберёт войско и даст отпор!

– Я слышал, королеве плохо, – Георг Ворнхолм бесцеремонно зашёл в комнаты короля, не дождавшись приглашения. Никто с ним не считается. Дайрус с удовольствием отправил бы этого предателя на плаху, если бы не договор.

– Вы правильно слышали, – буркнул он. – Королева отравилась на пиру.

– Она отравилась или её отравили?

– С чего вы взяли, что её отравили? – Если такие слухи ходят по Нортхеду, то дойдут и до ГиEMONа. Надо их пресечь. Но как?

– Никто другой не испытал неудобств, – заметил Георг.

«Ну да, кроме похмелья да пары отбитых рёбер для Николя», – Дайрус узнал ехидный внутренний голос. Ну вот, этого не хватало.

– Возможно, королева непривычна к нашим продуктам. – Будь его воля, он объявил бы о несчастном случае, но ГиEMON потребует виновника. Нет, нужно расследование.

– Могу ли я предложить кое-что? – спросил барон.

– Конечно. – «Хоть кто-то готов предложить, а не паниковать».

– Проверьте Истинную Летопись.

– Летопись? Какой от неё толк?

– Кто знает?

Собственно, почему нет? Мая видела, что случилось, может, она что-нибудь придумала? Она так быстро ушла...

– Хорошо, я узнаю, – Дайрус немного успокоился. – Барон, нужно провести расследование. Вы – лучший в этом вопросе. – Ривенхеды много рассказывали о его методах, Дайрус был впечатлён. – Я приказываю вам взять это дело на себя.

Почему он так смотрит? Если он вздумает отказаться, пожалеет. ГиEMON уважает Ворнхолма, ему он поверит, даже Маэрина поверит.

– Если это яд, я выясню, кто дал его Её Величеству, – поклонился Георг. – Вы не возражаете, Ваше Величество, если я пришлю к королеве своего лекаря? Две головы лучше одной.

– Да, я не против. Скажите Карлу, что это мой приказ.

– Я пошлю за лекарем и вернусь.

Дайрус облегчённо вздохнул и отправился к летописцу.

Райгард приказал поставить у комнаты королевы двух стражников, после чего заглянул внутрь. Хлоя бегала вокруг кровати, прибирая следы рвоты; растрёпанная коса чёрных волос то и дело билась ей по спине. Всюду валялись тряпки, стояли тазы, кувшины с водой и ноч-

ное ведро с соответствующим содержимым и торчащими грязными простынями. В нос ударил запах испражнений.

Илзы не было, Карл тоже отсутствовал. Райгард подошёл к кровати. Тонкая рубаша Марции намочила от пота, рядом лежали тёплые одеяла: Хлоя сказала, что ей становится то холодно, то жарко. Некрасивое лицо казалось ещё страшнее из-за гримасы боли, но Райгарда это не волновало. Он изучал её лицо, надеясь понять, есть ли у неё шанс выжить.

– Зачем явился? – за спиной послышалось шипение. Райгард вздрогнул от ненависти в голосе Илзы. – Хочешь и с ней поступить как со мной?

– Ты с ума сошла? Я ничего не делал, ты сама ко мне пришла!

– Никогда! Я никогда не стала бы твоей! Ненавижу! Убирайся! – закричала она. Райгард растерянно отступил.

– Госпожа, – обратилась Хлоя к Илзе, – королеве нужен покой.

– Заткнись! – Илза уставилась на Хлою, сверкая глазами. – Ты что, подслушивала? Да я с тебя шкуру сдеру! Что ты слышала?

– Я ничего не слышала, кроме вашего крика, – Хлоя упрямо смотрела на Илзу. Загорелое скуластое лицо служанки потемнело ещё больше. – Я готова слушать его с утра до вечера, но избавьте мою госпожу от этого! Что я скажу королю, если ей станет хуже?

Илза сжала губы, кинула злобный взгляд сначала на Хлою, потом на Марцию и под конец на Райгарда.

– Ты ещё здесь? Держись от меня подальше!

Райгард подумал, что лучше дать ей время успокоиться, и ретировался за дверь. Как бы Илза не устроила Хлое какую-нибудь пакость. Он и сам удивился, откуда взялась такая мысль об Илзе.

– Как королева? – Георг и его лекарь подошли к комнатам Марции.

– Плохо, – отрывисто сказал Райгард. Лекарь прошмыгнул внутрь, Георг взял Райгарда за плечо:

– Пошли, расскажешь мне о том, что произошло вчера.

Райгард привёл Георга к себе, но Илза не выходила из головы. Почему она так себя ведёт?

– Что с тобой? – Георг тряхнул его за плечо. – Не выпался?

Райгард почувствовал, что краснеет, и покосился на небубранную постель – свидетельницу его позора. Из-за суматохи слуги её не убрали. В голову полезли воспоминания о прошедшей ночи. На полу валялась подушка – Райгард, нагнувшись, поднял её и с досадой швырнул на мятую простыню. Он не знал, как начать разговор. Георг прищурился:

– Ты готов выслушать меня или предпочтёшь, чтобы я выслушал тебя?

Райгард сглотнул. Георг не проболтается, а совет может дать. Сам он не в состоянии думать спокойно. Он упал в кресло, повернув его спинкой к кровати, и жестом пригласил Георга занять второе кресло по другую сторону массивного стола. Постучав по столешнице пальцем, Райгард начал:

– Сегодня ночью... – Он заколебался. – Дай слово, что не скажешь никому.

– Только если ты отравил королеву.

– Что за чушь?!

– Да ладно, я пошутил. Твоя тайна в полной безопасности.

– Ночью ко мне пришла Илза, она... ну, она ждала меня на постели и без одежды. Я с пира вернулся немного пьяным...

– Не ты один, как я слышал, – насмешливо вставил Георг.

– Не настолько, чтобы не соображать. Она была там, мы...

– Ночи для этого и предназначены. Эх, молодость! Так чем ты недоволен? Ты ведь хотел на ней жениться? Передумал?

– Нет, это она... Она заявила, что я её... изнасиловал.

– А ты изнасиловал? – осторожно спросил Георг.

– Нет, конечно, – возмутился Райгард, сжав кулак и стукнув им по столу. – Я бы её пальцем не тронул, она сама хотела... Она сидела там голая, когда я вошёл, сразу стала снимать с меня куртку, я же это не придумал?!

– Странно. – Георг серьёзно посмотрел на Райгарда. – А как она объяснила свой визит?

– Заявила, что я её опоил, силой притащил... Да я не знаю, это бред какой-то! Я же люблю её! Ну да, я всегда её хотел, но я бы не стал силой... Георг, как думаешь, я мог так напиться? Но я же помню, как всё случилось, я же не забыл... – Райгард понял, что заговаривается. Георг, нахмурившись, слушал его и молчал.

– Мы заснули. Потом поднялась суматоха, я ушёл, а когда вернулся, она проснулась и обвинила меня...

– Подожди! – Георг остановил его взмахом руки. – Она была на пиру?

– Да.

– Вы ушли вместе?

– Нет, она ушла раньше.

– А ты?

– Я пошёл к себе, там застал Илзу. Клянусь, я не думал...

– Она что-нибудь сказала?

– Нет, она молчала. Но она скинула плащ, под ним не было ничего. Она подошла, сразу стала расстёгивать застёжки, потом мы...

– Понятно. – Георг смотрел на Райгарда задумчиво. – Я не могу тебе сейчас ничего посоветовать, кроме одного: помалкивай.

– Она тоже требовала, чтобы я молчал.

– Вот и молчи.

– Но я же не насиловал...

– Послушай, я вижу тут четыре объяснения.

– Четыре?!

– Да. Либо она сильно напилась и перепутала тебя с ко... кое-с-кем, а потом обвинила из страха. Либо ты врёшь, но тогда зачем ты мне об этом рассказал?

– Я не вру!

– Я тебе верю. Не замечал за тобой склонности к изнасилованиям.

– А какие ещё два объяснения?

– Доказательств у меня нет, поэтому два других я пока придержу для себя. Если эта история получит продолжение, сообщи мне, – попросил Георг. Райгард обиженно кивнул, испытывая облегчение. Хладнокровие Георга успокаивало.

– Как мне быть?

– Выполняй обязанности и держись от неё подальше, особенно в том случае, если она появится в твоей спальне.

– Да она меня ненавидит.

– Я это и раньше подозревал.

– Что? Как это? Почему ты мне не говорил?

– А ты бы послушал?

– Послушал, конечно.

– Влюблённый не услышит того, чего слышать не хочет, Райгард. Она всегда смотрела на тебя... как на врага. Мне кажется, я догадываюсь о причинах этой ненависти.

– Что за причины?

– Я могу ошибаться.

– Скажи, прошу тебя.

– Она, как и другие Ривенхеды, не простила тебе смерти Диэниса.

– Но я же не убивал его!

– Ты был с Крисом, остальное неважно. Будь осторожен. Если это ловушка, она сработает в самый неподходящий момент. – Георг казался обеспокоенным. Райгард ощутил холодок. В глубине души он надеялся, что Георг неправ.

– Мая, открой, это я! – Дайрус постучал. Заколдованная дверь, послушная воле короля, распахнулась. Мая сидела за столом, опустив голову на руки. Спит, что ли? Окна занавешены – солнечные лучи едва пробивались через плотную ткань. На столе чадила свеча, запах расплавленного воска заполнял комнату – у Дайруса закружилась голова. Как тут можно торчать целый день? Он подошёл к окну, распахнул его, вдыхая свежий утренний воздух. Мая следила за его действиями слегка опущенными глазами.

Несколько раз Дайрус обращался к услугам Летописи, просматривал записи, но почти ничего полезного не обнаружил. По крайней мере, она оправдала отца – и на том спасибо. Дайрус по всей стране разослал признание Йораса Арпена, его зачитывали в церквях. Он не сомневался: Ворнхолм скрипит зубами от злости, что его имя порочат всюду. К сожалению, Дайрус не заметил, чтобы это изменило отношение окружающих к самому барону. Никто не называл его братом убийцы, не плевал в спину, как когда-то Дайрусу. За три года это был единственный раз, когда Летопись чем-то помогла. С чего Ворнхолм взял, будто от неё будет польза?

– Есть что-нибудь про вчерашнее? – бросил Дайрус.

Мая подтолкнула ему рукопись. Дайрус пробежал по строчкам:

«В кафедральном соборе Нортхеда проходит венчание короля Сканналии Дайруса Первого и принцессы Марции Барундийской...», «...король посещает похороны барона Валера Мэйдингора...».

Дайрус пропустил несколько строк: его интересовали более поздние события.

«...на пиру присутствуют король, королева, барон Райгард Сиверс, барон Эйвард Ривенхед...» – это можно пропустить. Длинное описание обеда не содержало упоминания яда. Дайрус приободрился. «Илза Ривенхед находится в комнате королевского лекаря, немой кладёт руки на её голову...» – наверное, опять истерика. Как достали эти женские заморочки! «...Райгард и Николь дерутся...» А это что? «...Райгард Сиверс входит в свою комнату, там находится Илза Ривенхед...»

– Что Илза делала в комнате Райгарда? – зло спросил Дайрус Мая. Она пожала плечами:

– Как раз в этот момент я закончила работу.

– Но ты видела что-нибудь ещё?

– Нет, Ваше Величество. – Неужели Илза его обманывала? Ведь только прошлой... тьфу ты, позавчерашней ночью она согревала его постель, а стоило ему жениться, как тут же прыгнула в постель Райгарда? Сучка! Он ей покажет! И этому ублюдку! Глава королевской стражи так заботится о короле, что спит с его женщиной, пока умирает королева? Отличный повод убрать Райгарда с должности, которой он так гордится! Дайрус хотел выбежать из комнаты, но тихий голос Май задержался:

– Вы не дочитали. Увидев состояние королевы, я вернулась сюда и посмотрела Летопись. Дайрус неохотно уставился в книгу. Следующая запись начиналась внезапно:

– «...королеву тошнит, маруний частично выходит с рвотой».

– Что это? – Дайрус попятился. – Что она пишет?

Мая указала на раскрытую книгу, вероятно, снятую с одной из полок. Дайрус уткнулся в неё, с удивлением отметив, что это какой-то древний алхимический трактат. Он был открыт на странице с описанием яда под названием маруний. Дайрус не понял ни слова из его состава, но далее книга сообщала: «...попавший внутрь яд постепенно парализует органы, начиная с желудка, и погружает отравленного в состояние, напоминающее сон, который быстро заканчи-

вается смертью, из-за чего яд прозвали «мёртвым сном». Никаких признаков отравления при этом не наблюдается, противоядия не существует. В случае, если принятая доза оказывается мала, паралич затрагивает лишь желудок. Отравленный может выжить, если желудок быстро восстановит...»

– Так её отравили? – Дайрус почувствовал, что и сам вот-вот потеряет сознание.

– Вы уверены, что в Летописи ничего нет?

– Я же сказал, ни слова! – зло отрезал Дайрус, поёрзав в мягком кресле. Стоявший перед ним Георг нахмурился. Король вёл себя слишком нервно после посещения Майи. К тому же, он всё время отводил взгляд, бросая его то в окно, то на бутылку вина на столике у кровати. Не решившись протянуть руку за бутылкой, Дайрус начал ковырять цветные камни на рукояти шпаги, лежавшей у него на коленях. Георг сложил руки на груди – он едва сдержался, чтобы не отбросить шпагу подальше.

– Жаль, проще искать, если знаешь, что именно. Карл и мой лекарь утверждают, что это мог быть несчастный случай.

– Я приказал им обоим от неё не отходить ни на минуту, поставил там стражу, служанки непрерывно дежурят... – Дайрус умолк. Он явно не привык заниматься такими делами, но смерть Марции вызовет слишком тяжёлые последствия, чтобы думать о привычках.

– Ты представляешь, что будет, когда ГиEMON узнает? – «Великая Барундия» на рассвете покинула гавань и отправилась на юг.

Георг с едва заметным презрением посмотрел на короля. Дайрус думал о ГиEMONE! Лучше бы подумал о его дочери! Георг считал, что она не заслуживает такого мужа, однако политика есть политика. Многие жёны получают не то, на что рассчитывают. Мужья, к сожалению, тоже.

– Георг, я хочу, чтобы ты занялся расследованием. Делай, что сочтёшь нужным! Лучше бы это не был яд, иначе нам всем придётся плохо.

– Для начала я хотел бы допросить повара.

– Э-э, он умер.

– Что?

– Ну, я приказал допросить его. После небольшой пытки Железного Быка у него отказало сердце.

– Он хоть что-нибудь сказал?

– Нет.

– А разносчики еды?

– Они в тюрьме.

– Я сам их допрошу. – Георг не хотел снова возвращаться в тюремное крыло, но правду нужно выяснить. Случайно она отравилась или её отравили? Кому помешала Марция? Он бы подумал на Ривенхедов, мечтавших увидеть Илзу на троне Сканналии. Катрейне жизнь сломали, теперь Илза...

– Отлично, – Дайрус помедлил и добавил: – Барон, я хочу знать, кто виновник, до того как этот вопрос задаст мне ГиEMON. Либо найдите его, либо докажите, что это была случайность!

Райгард с отвращением осматривал комнату, в которой пытали его отца. Георг буквально заставил его присутствовать на допросах, слушать показания и крики боли. Райгард, как когда-то при виде мёртвого Диэниса, испытывал тошноту. На войне он привык видеть останки разной степени разложения, окровавленные фрагменты тел, раздробленные кости. Встречались ему тела, чьи кишки перемешались после попадания снаряда, да и публичные казни он посещал время от времени, но одно дело наблюдать наказание и войну, другое – причинять людям невыносимую боль, да ещё представляя на их месте родного отца. Райгард ненавидел эту тюрьму. Будь его воля, он бы разрушил её до основания.

Замены Тимаку так и не нашли. Железный Бык отлично справлялся с простыми заданиями, для более сложных дел приглашали Дима. Райгард не представлял, как человек, настойчиво и терпеливо спасавший его ногу, может с такой лёгкостью ломать кости другим, причём Дим занимался этим с полным равнодушием, будто разделявал тушу или ощипывал курицу. Со временем Дим начал выполнять обязанности начальника тюрьмы вместо Тимотея Иглсуда, дальнего родственника Проспера Иглсуда. Тимотей редко спускался в тюрьму, бросив текущие дела на Дима.

Райгарду тоже не раз хотелось убраться отсюда, но чем заняться? Король уже передал ему приказ об отстранении от должности главы королевской стражи, даже объяснил, что причина отставки – неспособность Райгарда защитить королеву. В глубине души Райгард и сам чувствовал вину за произошедшее, хотя не представлял, как мог бы защитить Марцию.

Несмотря на отвращение к тюрьме, он внимательно следил за расследованием Георга. Если бы не пытки, наблюдать за тем, как барон ведёт дело, было бы даже интересно! Впрочем, Георг предпочитал по возможности обходиться без пыток. По его мнению, боль так же часто заставляла врать, как и говорить правду. К тому же гибель родных порождала недовольство среди горожан, а после хорошей пытки выжить труднее, чем после войны.

Пока допросы результатов не дали. Разносчики еды и виночерпии в подробностях припомнили, кто, что и когда приносил и разливал, помощники повара рассказали про каждый ингредиент в еде, каждый напиток. Это не продвинуло расследование ни на шаг, потому что вся еда проверялась и пробовалась перед отправкой на королевский стол.

Музыканты, фокусники, шуты, певцы, жонглёры и актёры ничего не заметили. Очные ставки, бесконечные вопросы, бессонные ночи ясности не добавили. Георг лично провёл беседы с гостями, но никто не сидел рядом с Марцией и не общался с ней долго, кроме Ноэля. Райгарду становилось всё больше не по себе. Зачем Георг его сюда притащил? Чтобы не бездельничать, он снова занялся изучением законов и истории, читая книги по совету Георга. Отец в своё время дал Райгарду представление о законах Сканналии и других стран, обучил латейскому и барундийскому языкам, теперь же он слушал Георга с его огромным опытом судейской и дипломатической работы. Ещё во время долгой осады в Соуборте при Айварихе Райгард немало узнал от Георга и не раз выступал в роли судьи в решении споров между горожанами, позже на заседаниях Королевского Совета они вместе участвовали в составлении законов взамен реформ Айвариха. Вот и теперь во время передышек и совместных обедов Георг любил запутать Райгарда какими-нибудь спорными решениями, заставляя искать выход. Не менее интересно Георг рассказывал о странах, где бывал. Чтобы не выглядеть невеждой, Райгарду приходилось вспоминать уроки отца, прочитанные книги и дополнять их новыми сведениями, почерпнутыми из дворцовой библиотеки.

Единственная страна, о которой Георг не рассказывал, была Барундия, куда он однажды ездил после смерти брата. Но именно Барундия сейчас интересовала всех. Что скажут ГиEMON с Маэриной? Как отреагируют?

Все в один голос утверждали, что Марция почти ничего не ела, кроме устриц. В их остатках яда не обнаружили, да и другие гости тоже их ели, хотя и не в таких количествах. От напитков остались только пустые бутылки. Если яд подлили в вино во время пира, этого никто не заметил. Отец сказал, что Марция пила немного вина, пока они разговаривали, и он тоже пил это вино. Георг проверил напитки в спальне короля – в вине яда не оказалось, а от фруктовой воды ничего не осталось. Стражники уверяли, что никто не мог подсыпать яд: накануне свадьбы охрану усилили, в покои короля посторонние не входили. Дайрус вспомнил, что воду принесли в ночь перед свадьбой по просьбе Илзы, которая выпила почти половину кувшина. Георг сообщил об этом Райгарду, не глядя ему в глаза, больше они эту тему не обсуждали. Райгард лишь теперь осознал, каким был дураком, мечтая об этой девушке. Понял он и причину злости Дайруса.

Время шло, король терял терпение, с Райгардом он здоровался сквозь зубы. Стражники стояли повсюду, мрачно поглядывая на любого посетителя дворца, еда и напитки тщательно проверялись. Только Дорин Килмах умудрялся восстановить спокойствие короля во время сеансов рисования, которые не прекращались ни на день. Вскоре портрет Дайруса занял место в покоях короля.

Глава 6. Принц из Барундии

«Великая Барундия» вошла в Северную гавань. Кэйрон глубоко вздохнул. Прошло десять дней с того дня, как барон Морс отправил сообщение об отравлении Марции. Встревоженные ГиEMON с Маэриной послали Кэйрона выяснить обстоятельства дела. Принц был уверен, что его приезд мало кого обрадует. Это его не беспокоило: он никогда не боялся Дайруса, тем более не испугается сейчас, когда Марция на пороге смерти. Кэйрон не знал, жива ли она. Если нет – Дайрус дорого заплатит!

– Эй, – Кэйрон подозвал слугу, – подай камзол и чистые сапоги. – Он не намерен сходить на берег в провонявшем потом жакете и разъеденных морской солью башмаках, да и Марция любит опрятных мужчин.

Его гордость – гнедой жеребец по кличке Штырь – едва стоял на ногах, хотя недавно буквально дымился от страсти к вороной кобыле по кличке Анхаль, которую Кэйрон намеревался выставить на продажу в Нортхеде. Кобыла повела головой в сторону Штыря, Кэйрон в шутку сказал ей:

– Прости, я его уволю. Обещаю вам скорую встречу. – Кобылу он приобрёл в далёкой Вагариин, стране лошадей и песков, куда брат отправил его после путешествия в ещё более далёкую Астурию, огромную страну лесов и снегов, способную вместить десяток Барундий.

Кэйрон надеялся, что кобылу удастся продать по немалой цене. Деньги не помешают: ГиEMON никогда не был к нему щедр.

– Проситель по имени Казим Беспалый утверждает, что два месяца назад его дочь обесчестил королевский стражник Гриф по прозвищу Проныра. Когда Гриф узнал, что она понесла, то избил её так, что она потеряла ребёнка. Отцу пришлось продать корову, чтобы заплатить лекарю... – Голос секретаря раздавался под сводами тронного зала, где проходил приём просителей. Тут же стояли ответчики по делу и свидетели, любопытствующие из местных дворян, женщины из свиты королевы, несколько членов Королевского совета, включая Райгарда. Он неофициально исполнял обязанности главы королевской стражи, но как только найдут кандидата на его место, Сиверс покинет дворец. Дайрус жалел, что не может лишить его заодно титула барона и членства в Совете. Для этого нужна более веская причина, чем отнятая у короля любовница. Дайрус стиснул зубы от обиды на них обоих. Илза, конечно, пыталась вернуться в королевскую постель – Дайрус выставил её за дверь.

Секретарь закончил говорить и выжидающе уставился на короля. Дайрус устало вздохнул: эти обязанности выматывали так, что хотелось заснуть прямо на троне. Раньше он разбирал дела раз в неделю, потом сократил это занудство до двух дней в месяц. Каждый из этих дней был мучением. Конечно, большинство дел разбирали местные суды, но не в том случае, если речь шла о королевском дворе, самих судьях или апелляциях на решения судов.

Айварих любил быть в курсе всего и завёл традицию выслушивать даже проблемы дворцовых слуг. Дайрус давно хотел это прекратить, да руки не дошли. Сотни просителей требовали от него решения по самым дурацким делам, будто ему заняться больше нечем. Посадить вон хотя бы Райгарда, пусть отдувается. Или Георга, он в этом дока. Георг присутствовал среди собравшихся, однако не столько слушал, сколько думал о чём-то своём, не обращая внимания даже на собственную жену, одетую в весьма открытое, если не сказать вызывающее сиреневое платье. Нет, Ворнхолма отвлекать не стоит, пусть закончит расследование. Дайрус надеялся, что Георг придёт к выводу о несчастном случае. Тем не менее в глубине души копошилась мысль: не лучше ли сказать правду, ведь убийца где-то рядом. Дайрус боялся его, но как признаться ГиEMONу, что его дочь отравлена? Вдруг он решит, что это сделал сам Дайрус, лишь бы не жениться на ней? В этом случае ему ничего не стоит начать войну, тем более барундий-

ский флот уже в Северной гавани. Вся эта неопределённость вызывала у Дайруса бессонницу и кошмары, из-за которых он постоянно хотел спать.

Секретарь, сидевший у трона, занёс перо над книгой и деликатно кашлянул:

– Каково ваше решение, Ваше Величество?

Гриф Проньра, стоявший рядом, напрягся, не замечая, как грязно-белый берет с пером съезжает с головы, открывая лысину. Он упорно отрицал вину, хотя отец девушки привёл свидетелей и лекаря. Грифа это ребёнок или нет, они доказать не смогли, зато по поводу избиения вопросов не было.

– Вычесть из жалованья Грифа стоимость коровы и отдать Казиму Беспалому, – приказал Дайрус. Гриф ему не нравился, но Марик Седой лично попросил взять его в королевскую стражу. Марику Дайрус отказывать не хотел – тот очень редко просил об одолжениях. Недовольный Гриф скривился, Казим попытался возразить, а секретарь выкрикнул:

– Следующий!

Стража быстро выпроводила назойливых посетителей, секретарь поднёс Дайрусу свиток на подпись.

– Ваше Величество, – Райгард, незаметно оказавшийся рядом, наклонился к нему: – Вы не думаете, что это слишком мягкое наказание за...

– Вы сомневаетесь в моём решении, барон?.. – закончить Дайрус не успел.

– Его Высочество принц Кэйрон Барундский! – торжественно объявил слуга. Дайрус сжал кулаки. Этого не хватало!

– Это младший брат Гиёмона? – спросил Райгард.

– Он самый. Явился шпионить! – Дайрус встал. О прибытии «Великой Барундии» ему уже доложили, и он ждал дядю Марции с тревогой.

– Приветствую вас, кузен. – Сводный брат тётиного мужа кузеном не был, но с детства они росли вместе – он всего на три года старше.

Кэйрон выглядел шикарно в модном зелёном камзоле, хотя отмахал пятнадцать миль после долгого плавания. Дамы, стоявшие вдоль стен, в восторге уставились на него. Дайрус выругался про себя – этот щеголь любит привлекать внимание.

– Ваше Величество, – титул Кэйрон умудрился произнести с насмешкой, однако поклонился при этом так изящно, что и придаться не к чему.

– Я должен рассмотреть ещё несколько прошений, – с извиняющейся улыбкой сказал Дайрус. – Королю не следует пренебрегать обязанностями. А пока вы могли бы передохнуть после путешествия.

– Первейшая обязанность короля, по словам моего брата, состоит в благополучии королевства и особенно королевы, – Кэйрон говорил негромко, и Дайрус надеялся, что никто его не слышит, кроме ближайших членов Совета. – Я не настаивал бы на срочном разговоре, если бы не крайняя необходимость. Возможно, вы могли бы перенести рассмотрение прошений на другой день?

Дайрус покраснел от досады:

– Мой народ ожидает от короля решения его проблем. Боюсь, вам не понять, что это такое, кузен, пока сами не попробуете.

– Я не против, Ваше Величество! С удовольствием помогу вам ускорить решение дел. – Ещё чего! Пусть в Барундии разбирает дела. Дайрус злорадно вспомнил, что Гиёмон не допускал Кэйрона к решению государственных задач. Впрочем, в одном принц прав. Что мешает посадить вместо себя другого?

– Барон Сиверс, займитесь прошениями на сегодня, пока я приму посла короля Гиёмона. – Не обращая внимания на ошарашенного Райгарда и недовольные физиономии членов Королевского Совета, Дайрус спустился по ступенькам и прошествовал к двери. Кэйрон не отставал, ловя восхищённые взгляды дам и подозрительные – мужчин. Просители потянулись

к Райгарду, который нерешительно сел в кресло, предназначенное для королевы, поёрзал и обратился к какой-то женщине:

– Изложи своё дело.

Стоя рядом с мужем в тронном зале, Ванда размышляла о своей ошибке. Зачем она попросила отца выдать её за этого холодного сукина сына? Что на неё нашло тогда? Если бы у неё хватило ума узнать его получше перед свадьбой, она бы давно послала его подальше и сейчас была бы замужем за кем-нибудь... да хоть за бароном Сиверсом. Она полюбовалась, как Райгард слушает бедную пряжу в драном платье, обвинявшую камеристку королевы в краже мотка пряжи. Утром эта нищенка набросилась на камеристку с кулаками прямо на Дворцовой площади, за что ей грозили удары розгами. «Зачем её сюда притащили? – удивилась Ванда. – Всыпали бы сразу, что полагается, да и всё».

– Ваша милость, – дрожащий голос пряжи разносился по залу, – Я утречком ей моток пряжи-то продала, да она платить-то отказалась, а я ведь, видит Бог, немного и просила. Она забрала мой моточек, поклала в корзинку к другим, да ещё и вопила, что она сама всё спряла, меня же воровкой обозвала! Да что ж такое, коли даже тута обкрадывают, да где ж правды искать?! Бейте меня, коли воля ваша, но верните пряжу, прошу, или пускай она отдаст деньги, а то дитя кормить нечем!

Камеристка – красивая ухоженная девица по имени Фринна – закричала:

– Это моя пряжа, Богом клянусь! Самолично её делала для моей королевы! Ты мне заплатишь за клевету, мерзавка! Я сама тебе всыплю!

Ванда отметила, что ей сочувствовали многие мужчины. Интересно, она только королеву обслуживала или их тоже?

– Ты знаешь, какой моток твой? – обратился Райгард к пряхе. Рядом стояла корзинка, наполненная серыми мотками пряжи из козьего пуха.

– Вон тот, господин мой, – женщина ткнула пальцем в один из мотков. По знаку Райгарда его тут же достали из корзины – он почти не отличался от остальных. Ванда не решилась бы утверждать, сделаны они одной рукой или нет. Впрочем, она ненавидела прясть.

– Ты настаиваешь, что он твой, ты сама пряла нить и сматывала? – обратился Райгард к Фринне, на что та уверенно закивала.

– На что наматывала? – быстро спросил Райгард.

– Дак... – Фринна помялась. – На кусок полотна, вроде.

– А ты? – обратился Райгард к нищенке.

– На камушек, господин мой, махонький такой, длинный, в Северной гавани подобрала, когда рыбку ходила покупать.

– Размотайте пряжу, – приказал Райгард слуге. Внутри обнаружился камень. Райгард велел замотать всё обратно и отдать моток пряхе. Фринне, испуганно смотревшей на барона, он присудил штраф в пользу истицы, до уплаты которого ей надлежало служить посудомойкой. Это была одна из самых низших должностей при дворце. Фринна разревелась, её быстро увели слуги.

Ванда впечатлилась – ей в голову не пришёл бы такой способ определения истины. Райгард ждал, когда секретарь запишет приговор, а Ванда думала о том, как же он красив. И голос у него приятный, и глаза живые, пыльные.

Несмотря на его незаконное происхождение, отец вряд ли отказал бы ей, выбери она этого красавчика. Правда, он бегаёт за Илзой, но эта недалёкая шлюшка сама не знает, чего хочет, к тому же, они явно поссорились – теперь Райгард обходит её стороной. Вот Ванда знает, чего хочет, жаль только её избранник оказался совсем не таким, каким представлялся ей до свадьбы. Ох уж эти традиции, из-за которых она так и не пообщалась с будущим мужем наедине хотя бы несколько часов. Ей хватило бы этого, чтобы понять: Георг давно уже не тот, каким был

когда-то. То ли возраст сказался, то ли она ему не угодила! Он всегда вёл себя как... старый пень. Нет, дело не в возрасте, просто он потух, как вулкан Глосвааль сразу после войны.

Райгард посмотрел в их сторону, Ванда ему улыбнулась. Барон этого не заметил: он ждал одобрения её мужа. Поскольку решение визировал не король лично, оно требовало подписи двух членов Королевского совета. Георг отвлёкся от бумаг и поставил подпись на свитке, поднесённом секретарём. После этого муж снова уткнулся в бумаги, забыв о жене. Вот так всегда! Георг покорно ходил с ней на приёмы, танцевал, возил на прогулки, но разве этого она ждала? Она влюбилась в творца, полного страсти влюблённого, а получила чёрствого сухаря. Исполнила мечту, называется. Ванда надеялась, что он просто устал от войны, ждала, когда вновь зажётся прежний огонь – всё напрасно! Куда делся мужчина, создавший для своей возлюбленной Катрейны потрясающий портрет? Портрет, который Георг попытался написать для Ванды, выглядел насмешкой – она выбросила его на помойку. Муж предложил нанять с десяток художников и написать ей десяток портретов, вот тогда она впервые поняла, что ошиблась.

Как будто ей нужен портрет! Да плевать ей на это, как плевать на красивые платья, дорогие побрякушки, королевские балы. У неё ничего этого не было сто лет, она отлично обошлась бы без этой ерунды! Она не неженка какая-нибудь и не дура, вроде Илзы!

Ванда всегда считала, что только мужчина сделает женщину счастливой, если этот мужчина красив, пылок и способен выразить чувства словами и делами, в песнях или камне, с помощью красок или крови. Макс именно такой, но он её брат! Однажды ночью лет в двенадцать он залез в её постель, стал шептать что-то идиотское и щупать между ног. Отец так его отделал, что потом братца пришлось искать с собаками за десять миль от дома. Больше он к ней не лез, зато иногда смотрел так... как Георг не смотрел никогда.

Зачем он написал тот проклятый портрет? Ванда пару раз видела королеву Катрейну и не знала, жалеть её или презирать. Она напоминала старую высохшую брюкву, тогда как Айварих излучал здоровье и физическую силу. Силу Ванда ценила, как все горцы. Что могла предложить ему эта иссохшая, скучная старуха? Когда Айварих развёлся с Катрейной, Ванда про себя одобрила его решение, хотя Тория была сука та ещё. Как раз тогда Ванда отправилась посмотреть на молодую Катрейну, чисто из любопытства. Она, вообще-то, не особо любила живопись, предпочитая гравюры на дереве и меди. Любила она и обнажённые скульптуры, чью красоту ничто не мешало воспринимать. Однако на этот раз при виде портрета Ванда обомлела.

Неизвестный художник запечатлел Катрейну такой, какой её видели только его глаза – и ничьи больше. Портрет был признанием в любви и прощанием с ней одновременно – Ванда поняла это каким-то шестым чувством, отчего впервые в жизни испытала настоящий оргазм. Там, на портрете, она представила себя: это её невидимые руки художника касались словно кисть – холста, это она отражалась в его глазах, провожавших её на свадьбу с другим. Фантазии сменяли друг друга без остановки, вызывая физическое желание.

Ванда приходила в галерею каждый день и не могла насмотреться на полотно, а по ночам бредила таинственным силуэтом неизвестного возлюбленного. Он являлся в снах, и она просыпалась, дрожа от возбуждения; он преследовал её днём, и она забывала о еде и развлечениях; он смотрел на неё со звёзд по ночам, и она спрашивала у них его имя, но звёзды молчали. Она расспрашивала слуг, друзей отца, даже отважилась спросить короля с королевой. Айварих насмешливо посоветовал ей поменьше увлекаться романтическими бреднями и обратить внимание на красавчиков, что выются вокруг. Катрейна добавила, что портрету много лет. Много лет, это... Ванда подсчитала, что со свадьбы Катрейны прошло почти пятнадцать лет, но разве это так важно? Она была одержима желанием узнать, чья душа способна так любить, и в день свадьбы Айвариха и Тории она решила эту загадку.

После церемонии бракосочетания Ванда столкнулась в дверях церкви с Георгом Ворнхолмом, который показался ей почти невменяемым. Он даже не заметил, как наступил ей на ногу и оттолкнул в толпу зевак. Она решила, что он пьян, чуть не крикнула ему вслед что-то

оскорбительное, а вечером пожаловалась отцу. Тот посмеялся, выложив на стол золотое ожерелье:

– Если барон так тебе неприятен, то эта вещь тебе не понравится.

– Почему? – Ванда едва взглянула на ожерелье.

– Потому что его подарил Катрейне на свадьбу Георг Ворнхолм. Ожерелье она никогда не носила, много лет оно пролежало в шкатулке. Катрейна хотела отдать его Тории, да король был против. Я, собственно, как раз вошёл, когда они обсуждали, куда его девать. Айварих предложил мне купить его для тебя. Я подумал, тебе понравится: ты же любишь рубины.

Только теперь Ванда рассмотрела ожерелье и задохнулась от удивления. Красные камни, огранённые в виде капель, висели на цепочках золотой проволоки, переплетаясь друг с другом словно в совершенном беспорядке, создавая необычный узор. Украшение казалось старинным, точно такое же висело на шее Катрейны с портрета. Ванде оно напоминало капли крови, вырванные из сердца художника и попавшие на кожу его возлюбленной. Да, несомненно, это оно! Если королева никогда его не надевала, а художник именно его нарисовал, то... художник – это барон Ворнхолм?

Ванда слышала, что Георг учился живописи в Барундии, вспомнила она и смутные намёки о сватовстве Георга к Катрейне, услышанные в замке отца. Значит, он её любил, но из-за крови между ними им пришлось расстаться? Какая удивительная история! Ванду буквально распирали чувства. Георг в её глазах превратился в благородного страдальца, пылкого и верного возлюбленного с печальной судьбой. Теперь понятно, почему он был сам не свой на свадьбе Тории.

В день казни Катрейны Ванда поняла, что любит его. Отец тоже стоял в ложе короля, туда же привели арестованного Георга. Ванда бессильно любовалась хладнокровием и смелостью барона, восхищаясь его решением заключить пари на смерть Катрейны. После его побега она поклялась себе, что ни один мужчина не коснётся её, кроме него. Когда они поженились, Ванда думала, что достигла всего, о чём можно мечтать. Она ошиблась.

Георг оказался... обычным, даже скучным. В нём отсутствовало былое вдохновение, он никогда не смотрел на Ванду так, как на королеву. Тот жалкий портрет, что он нарисовал для жены, говорил об этом лучше любых слов. Увидев эту поделку, Ванда поняла, что никогда не заменит мужу Катрейну. С этого дня брак превратился в пытку.

О, Ванда не сразу сдалась! Она пыталась пробудить Георга в постели, но он предпочитал закончить быстро и заснуть как раз тогда, когда она только загоралась. Она украсила комнату с намёком на близость – он посмеялся над её безвкусицей. Она надевала соблазнительные наряды, дорогие украшения – он списывал это на женскую любовь к мишуре и не обращал внимания. Она флиртовала с мужчинами – Георг насмешливо наблюдал, как те либо сбегают из страха перед его гневом, либо из уважения к нему делают вид, что её не существует, как тот же Райгард. Слишком многие в Сканналии понимали, чем кончится для них роман с женой Георга Ворнхолма.

Ванда скосила глаза на мужа. Он о чём-то задумался, не слушая просителей и теребя бумагу. Она отвернулась. Девушки и замужние дамы оживлённо обсуждали принца Кэйрона. Ванда уловила отдельные фразы: «...красавец невероятный...», «Ты видела его камзол? Это латейский атлас!», «Не знаешь, он женат?», «Ах, какие у него губы!»

Насколько Ванда рассмотрела принца, он был и впрямь красив: яркие голубые глаза подчёркивались широкими тёмными бровями и контрастировали с каштановыми, зачёсанными назад волосами. Черты его лица настолько правильны, что придраться не к чему: тонкий прямой нос в профиль смотрелся просто изумительно, чувственная нижняя губа слегка выдвигалась вперёд, как и красивый подбородок с небольшой ямочкой. Лет двадцати семи, высокий, подтянутый, явно сильный, он двигался по залу будто пантера. Ему очень шёл зелёный приталенный атласный камзол с тёмно-синими продольными полосками, большими буфами с про-

резами на рукавах и новомодным стоячим воротником. Широкие тёмно-серые штаны с прорезами топорщились на бёдрах, чулки обтягивали мускулистые икры. Наряд дополняли высокие сапоги с серебряными шпорами, золотая цепь с медальоном и чёрная широкополая шляпа с пером и огромным зелёным камнем.

Костюм был так отлично сшит и подогнан, что она любовалась принцем со спины не меньше, чем спереди. Ванда как наяву слышала плотоядные мысли женщин, которые после ухода Кэйрона оживились. Никто, кроме её чёрствого мужа, не слушал Райгарда и просителей: все обсуждали посланника короля Гиёмона. Принц крови, красавец и не дурак, насколько она поняла из краткого разговора с Дайрусом. Чем-то он напоминал ей Георга, каким он мог быть в юности. Не поискать ли у него то, чего лишил её собственный муж? Если Кэйрон не струсит, то они оба выиграют. Ванда больше не желает мириться с нынешним положением. Она готова на развод, но терпеть Георга ей надоело!

– Так что мне написать брату? – Кэйрон вальяжно развалился в кресле в приёмной короля и медленно пил белое вино, нарочито пристально рассматривая его на свет перед каждым глотком. Его зелёный камзол почти сливался с обитыми зелёным шёлком стенами. Дайрус быстро допил бокал и взял бутылку, чтобы налить ещё. Слуг он выставил, предпочитая разговор без лишних ушей.

– Мой лекарь полагает, что она больна.

– Ни с того, ни с сего взяла и заболела накануне брачной ночи?

– Она уже болела оспой, не так ли?

– Ты поэтому казнил повара?

– Я не...

– Да-да, он сам помер, очевидно, от удара, – процедил Кэйрон. – Интересно, чем его ударили?

«А мне интересно, откуда ты столько знаешь?» – подумал Дайрус.

– Так я должен написать её отцу, что она больна неизвестно чем? Ты ведь понимаешь, дорогой кузен, что Гиёмон не примет такого ответа.

Дайрус вскипел: угрожать себе он не позволит!

– Пусть Гиёмон пришлёт лекарей, если пожелает!

– Король требует доказательств, что это не яд.

– Будь это яд, она умерла бы.

– Яды бывают разные.

– Но кому понадобилось её травить?

– Полагаю, желающие найдутся.

– Мы их не нашли!

– А ты не против, если я этим займусь? Я брату пообещал, как ты понимаешь, а он не любит ждать.

– Ну так ищи скорее и возвращайся к Гиёмону!

– Разве я не сказал? – удивился Кэйрон. – Это он приедет сюда. И лично спросит, что случилось с его дочерью. – Дайрус похолодел. Флот Гиёмона до сих пор торчал в Северной гавани, нервируя рыбаков и отцов хорошеньких девушек. Наверняка Гиёмон прибудет с новыми кораблями, сканналийский же флот утонул три года назад, на его восстановление денег не нашлось.

– Когда? – хрипло выдавил Дайрус.

– Через месяц или два, как получится, – Кэйрон вытянул ногу, любясь острым носком сапога. – Король просил меня выяснить все обстоятельства, и, если ты не возражаешь, я возьмусь за дело завтра же.

– Чем займёшься?

– Осмотрюсь, порасспрашиваю людей, глядишь, ты и прав окажешься. Кстати, что поделяет Калерия? Я по ней соскучился, как и половина аристократов Арпена.

– У неё всё хорошо, – Дайрус чуть не подавился от смены темы.

– Знал бы ты, как я жалел, что познакомил тебя с ней! Кажется, это был первый раз, когда ты увёл у меня женщину.

Дайрус скрипнул зубами. Он никогда не понимал, почему его женщины рано или поздно оказывались в постели Кэйрона. Стоило Дайрусу увлечься знатной дамой, служанкой при дворе или подцепить шлюху, как вскоре каждая давала ему от ворот поворот, радостно вешаясь на шею брата Гиёмона. Чем он их брал? Не деньгами – Дайрус тоже не скупился. Не внешностью – Дайрус считал, что он не хуже. Умением? Но и этого на совместных развлечениях Дайрус не заметил. Только Маю Кэйрон не смог затащить в постель. Интересно, он пытался? Этого Дайрус не знал.

– Я слышал, её новый бордель краше прежнего. Не навестить ли нам его вместе, как в старые времена? Она, мы и штук пять девочек на закуску. Ну, тебе девочек, а мне всё равно.

– Тебе всегда было всё равно, кого трахать.

– Иногда, дорогой кузен, не стоит быть слишком привередливым. Никогда не знаешь, где получишь... наибольшее наслаждение. Так сходим вместе?

– Нет, иди один, раз тебе хочется. Я дам адрес.

Кэйрон поднялся и помахал рукой:

– Тогда я пойду переоденусь.

«Вот и пусть занимается расследованием в борделе», – подумал Дайрус.

Глава 7. Аукцион

Райгард закончил танец, решив, что с него хватит. Он не понимал, как можно устраивать рождественский бал, когда королева на грани жизни и смерти. За три недели болезни она то приходила в себя, то снова погружалась в бессознательное состояние, спасавшее её от болей в желудке. Она ослабла, похудела, но лекари говорили, что опасность миновала. Тем не менее, время для праздника было неподходящее, даже если это Рождество сына Божьего Зарии, которое отмечали эктариане и зарианцы. Первый день праздника проходил в последний день года и отмечался молитвами в храмах. На следующий день на улицах проводились шумные торжества, всюду развешивались ленты с узелками-пожеланиями, вечером люди собирались на семейные ужины и балы. Язычники называли день летнего солнцестояния Ярогов день: в него вплетались древние традиции поклонения богу Солнца Ярогу.

Дайрус считал, что народу нужны развлечения, и не стал отказываться от ежегодного рождественского бала. Траурные маски нынче надевать рановато, цинично добавил он. Райгард собирался отказаться под предлогом охраны дворца, однако Дайрус возразил, что на то есть стража, а главный стражник пусть охраняет короля. Замены Райгарду пока не нашли: двух сыновей баронов Дайрус отверг из-за пристрастия Сигурда Данрога к выпивке, Николя Ривенхеда – из-за наглости.

Принц Кэйрон весь вечер показывал новые танцевальные движения и развлекал желающих рассказами о тайных болезнях короля Лодивии Урмаса, кровавых пиратах в водах близ Латеи и нравах в далёких Астурии и Вагарии.

Кэйрон пробыл в Сканналии десять дней, обретя большую популярность среди местных дам. Юные девушки и зрелые вдовы млели от восторга при виде этого хлыща, мужчины находили его компанию интересной. Кэйрон и впрямь побывал во многих странах, знал массу историй и рецептов приготовления напитков – его дом был набит желающими завести с ним знакомство. Матери дочерей на выданье из кожи вон лезли, приглашая его к себе, их отцы и братья с удовольствием смаковали непривычную астурийскую водку и обсуждали грядущие скачки кобылы по кличке Анхаль.

Кобыла Райгарду нравилась, и всё же он предпочёл бы не видеть Кэйрона в Сканналии: слишком явно на балу принц уделял внимание Ванде Мэйдинггор. Райгард до сих пор почему-то называл её так, хотя она больше двух лет носила фамилию Ворнхолм. Из-за занятости Георга, который не посещал никакие мероприятия, Ванда только сегодня познакомилась с принцем. Знакомство заставило оживиться её обычно раздражённое лицо. Райгард видел, что и принц пожирает её глазами. Они общались за вечер несколько раз, танцевали, рассматривали шпалеры и скульптуры. Неужели Георг не замечает? Райгард был уверен в обратном. Ну вот, кажется, Георг решил положить конец их беседе. Райгард хотел выйти, когда услышал крик:

– Не указывай мне, с кем разговаривать!

Ванда покраснела от гнева, Кэйрон продолжал улыбаться. Георг что-то тихо сказал.

– Уйти? А зачем? Сидеть в четырёх стенах и скучать? Я, по-твоему, так должна веселиться?

Она что, пьяна? Райгард подошёл ближе.

– Ты достаточно повеселилась сегодня, – тихо заметил Георг.

– Ты-то откуда знаешь, что такое веселье? – Ванда говорила со злостью. Райгарду стало неловко. Он считал её взбалмошной, своевольной, не слишком воспитанной, но не думал, что она способна закатить истерику. Георг тоже явно не ожидал нападок со стороны жены.

– Ванда, нам пора, – Георг взял её за локоть. Ванда вырвалась и попыталась утянуть Кэйрона танцевать. Принц с ухмылкой освободился из её объятий. Ванда упрямо сжала губы.

– Кажется, мой праздник вам не понравился? – Дайрус возник рядом, обращаясь к барону.

– Я как раз хотел сказать, что праздник великолепен, Ваше Величество. К сожалению, нам пора, – поклонился Георг.

– Да? Очень жаль, – протянул Дайрус, – рад был видеть вас здесь, барон, как и вашу очаровательную супругу. – Дайрус кивнул Ванде и спросил Кэйрона:

– Не составишь ли мне компанию? Я хотел узнать побольше о твоей кобыле. Все буквально в восторге от её стати и прыти. Сколько ей лет? Что означает её кличка?..

Георг бесстрастно смотрел им вслед – Райгард видел побелевшие костяшки пальцев, которыми он сжал рукоять парадного кинжала. Толпа, успевшая собраться за считанные минуты, начала рассеиваться, живо обсуждая произошедшее. Скандалы редко выносились на всеобщее обозрение, а уж скандал в доме Ворнхолма казался немыслимым и оттого особенно пикантным!

– Идём, – обратился Георг к Ванде. – Праздник окончен.

– Что ж, этот праздник ты мне испортил, – тихо заметила Ванда, не глядя на мужа, – но чёрт меня задери, если я дам тебе шанс сделать это ещё раз.

После этих слов она бросила на Георга такой взгляд, что Райгард вздрогнул. Что происходит? Судя по лицу Георга, он тоже не понимал. Они оба покинули зал, однако Райгард не мог забыть, с какой ненавистью Ванда смотрела на мужа. Почти как Илза смотрела на него самого.

Жемчужное ожерелье рассыпалось, когда Ванда швырнула его на пол, но ей было плевать. Она со злостью дёрнула лиф платья, тесёмки на спине с треском порвались. Скинув верхнее платье, она освободилась от нижней юбки и шёлковой сорочки и осталась стоять обнажённой, чувствуя, как остывает разгорячённая кожа. Ванда тщательно вытерла ботинки о платье на полу. Георг подарил ей это платье специально для праздника. Муж не хотел идти, да Ванда настояла: ей не терпелось познакомиться с Кэйроном, о котором говорили буквально все.

Кэйрон снял огромный дом, устроив нечто вроде салона для аристократов. Там играли в карты, заключали пари на грядущие скачки, обсуждали недавно выпущенные в Барундии книги, в том числе фрагменты эротического и сатирического содержания, не вошедшие в публикации. О принце говорили, им восхищались, его красота стала музой для стихоплётцев и певцов, его костюмы без устали копировали все портные Нортхеда.

Барундийский принц гордо гарцевал на Штыре по улицам в сопровождении разодетых пажей, поучаствовал в турнире по бою на мечах – он привлёк столько зевак и участников, что его называли самым грандиозным в Сканналии. Горожане думать забыли о больной королеве, обсуждая коней, наряды, духи, оружие и щедрость Его Высочества.

Любопытство Ванды, распалённое воображением, заставило её искать его компании на балу. Принц оказался интересным собеседником: он шутил, умел танцевать, и, хотя вёл себя корректно, Ванда ощущала призывы его тела. Ей это льстило – ни с кем другим на балу он так долго и тесно не общался. Чего ради Георг всё испортил? Ладно бы он ревновал, так нет! Чёртовы обычаи, будь они неладны! Георг любил, чтобы в его мирке всё было спокойно, размеренно и предсказуемо. Как же ей это надоело! Она красива, молода, она хочет гореть в огне страсти, а не тушиться час за часом в тесной закопченной печке!

Ванда легла на кровать, ощутив прохладу простыни и лёгкий порыв ветра, долетавший из раскрытого окна. Доносившиеся с улицы крики добавляли задора. Она представила, как пальцы Кэйрона скользят по её коже от бедра, поднимаясь всё выше, пока...

Стук в дверь оборвал её грёзы. Ванда вскочила с кровати, не успев прикрыться. Георг, не дождавшись ответа, открыл дверь их спальни и на миг замер, разглядывая истерзанную одежду и одинокие жемчужины, забившиеся между досками деревянного пола.

– Что тебе? – Ванда говорила вызывающе.

– Вижу, ты не в настроении, – она ненавидела, когда он вот так насмеялся, словно она несмышлёная девочка. До её замужества отец тоже вёл себя с ней как с маленькой, но три года назад она и впрямь была наивной душой, так что жаловаться ей не на что.

– Ты чертовски прав, дорогой, – она пнула остатки юбки.

Георг спокойно смотрел на неё, думая о чём-то. Она никогда не понимала, что прячется за его взглядом, сегодня она не станет об этом гадать. Того, что ей надо, там точно нет.

– Пожалуй, я лягу в другой комнате, – Георг осторожно прикрыл дверь.

– Ну и катись! – крикнула она так, чтобы он услышал. Ванда снова бросилась на кровать, представив себе, как они с Кэйроном занимаются любовью. Этого ей показалось мало – только когда в её видении в спальню зашёл Георг и увидел её в постели с принцем, она испытала оргазм. Чем дело кончилось между этими двумя, она представлять не стала.

Кэйрон покрутил в руке зашифрованное письмо и кинул в огонь. Итак, через месяц ГиEMON лично навестит зятя с дочерью. Что ему сказать? Кэйрон опросил десятки людей, присутствовавших на ужине, и ничего особенного не узнал, кроме того, что те же вопросы уже задавал им Георг Ворнхолм. Некоторые говорили об этом с раздражением и злостью, некоторые с обидой, даже страхом, хотя Кэйрон не заметил, чтобы кто-то пытался что-либо скрыть. Если король считает, будто это болезнь, к чему столь тщательное расследование? Видимо, он всё же соврал, когда заявил, что Марция заболела. Её отравили, но Дайрус не посмеет признаться в этом посланнику отца Марции.

Кэйрон всегда терпеть не мог Дайруса: этому жалкому болвану ГиEMON отдал корону и Марцию. С детства Дайрус занимал при барундийском дворе место более важное, чем брат короля. До поры Кэйрон не обращал на это внимания, зато повзрослев и поумнев, начал задавать вопросы. Вскоре ГиEMON стал отсылать Кэйрона подальше: в ближайшие города, страны, потом и вовсе к чёрту на кулички. Маэрина тоже относилась к племяннику куда теплее, чем к деверю, даже если он был её любовником. Лёжа с Кэйроном в постели, она мечтала, как Дайрус вернёт трон отца.

– Дорогая, а как же твоя сестра? – спросил однажды Кэйрон. Маэрина расстроилась. Она дорожила сестрой и племянником в равной степени. Кэйрон всегда это знал, но только после расправы над Катрейной понял, что значат для неё Кройдомы и их кровь. Услышав о казни, Маэрина не закатывала истерик. Она поехала в бордель, где развлекался Дайрус, и поклялась стереть это заведение с лица земли, если он хоть раз туда заявится. С этого момента, сказала она, ты для меня – король Сканналии! Ты будешь вести себя как король, достойный трона! Она заставила ГиEMONа учить племянника дипломатии и военному искусству, помогла получить трон. Если доказать Маэрине, что Дайрус приложил руку к «болезни» Марции, она не станет его защищать. Дочь для неё важнее сотни Дайрусов.

За месяц Кэйрон сблизился почти со всеми местными шишками – всё без толку! Он так и не заслужил доверия Ворнхолма, который в кои-то веки появился на людях. Жаль, что так неловко вышло с Вандой. Надо заметить, супруга барона явно искала приключений на свою голову. В другое время он неплохо поразвлёкся бы с ней, но сейчас муж интересуется его больше жены. К сожалению, Георг не слишком настроен на беседы с принцем.

Решив пройти, Кэйрон позвал слуг, сел на Штыря и отправился на рыночную площадь, забитую народом. Кэйрон любил бывать в людных местах, где крутились слухи и новости. Здесь торговали в основном мехами, драгоценностями, одеждой, зазывали постричься у цирюльника. Ратуша – серое двухэтажное кирпичное здание с широким фасадом, узкими торцевыми стенами и многочисленными окнами – сегодня была закрыта, в центре площади шла какая-то пьеса. Король Райгард на сцене торжественно казнил предателя Томара, убившего принца Байнара. Кэйрон заметил Сильвестра – автора пьесы – и мысленно ему поаплодировал. Пьеса смотрелась с интересом, косоглазый коротышка Дим, игравший конюха-убийцу,

прекрасно справлялся с трюками. Дайрус после прихода к власти всерьёз взялся за очищение имени отца. Имя Айвариха король, наоборот, пытался если не стереть с лица земли, то хотя бы смешать с грязью, как и имя Ворнхолма.

Кэйрон проехал вдоль рядов меховщиков и зацепил взглядом мех горностая. Проведя по нему рукой, он решил прицениться. Продавец заломил столько, что принц из упрямства начал торговаться – в Вагарии он научился этому искусству, как и многим другим. Он предпочитал не переплачивать: не из жадности – просто не любил, когда наживаются на его титуле и кошельке. Снизив цену почти на треть, он купил мех. Потом он либо подарит его Маэрине, либо... Кто знает.

– Эй, у тебя есть норковые шкурки? – Кто-то подошёл, встал рядом. Кэйрон узнал Райгарда Сиверса.

– Ваше Высочество, и вы здесь? – Райгард смотрел на Кэйрона с лёгкой враждебностью.

– Да, любуюсь на превосходные меха. В Барундию мы вынуждены везти их из разных стран.

– Как и лошадей?

– Если говорить об отличных лошадях, то да.

– Я слышал, вы устраиваете скачки и аукцион?

– Хотите поучаствовать?

– На аукцион у меня вряд ли хватит денег, – пожал плечами Райгард. – У нас были трудные годы, люди до сих пор бедствуют, так что ваш турнир оказался кстати. – Он весело посмотрел на Кэйрона. Именно Райгард победил в устроенном в честь принца турнире и получил приз – сотню золотых. Кэйрон неохотно признал, что этот бастард умеет драться, когда в финале проиграл ему поединок на мечах. Кэйрон посмотрел на мех, который Райгард держал в руках.

– У вас нет денег? Вы – племянник короля, почти его наследник.

Райгард расхохотался.

– Я, может, и племянник короля, но какой же я наследник? Да его удар хватит при одной мысли.

– Но кто тогда наследник?

– Жена, конечно.

– А после неё?

– Ну... – Райгард задумался.

«Он что, меня за дурака держит, – подумал Кэйрон, – или и впрямь не знает ответа на простой вопрос?»

Кэйрон был в курсе, что Дайрус не назначил наследника, когда пришёл к власти. До его свадьбы все семьи Сканналии перетряхнули родословные древа, чтобы доказать родство с королём. Ривенхеды, Чевиндомы и Ворнхолмы подходили больше всего – правда, ни одного потомка Свенейва среди носителей знатных фамилий не имелось. По сути, если с Дайрусом и Марцией что-то случится, сканналийцам не останется выбора, кроме как посадить на трон бастарда. Кэйрон не сомневался: такая мысль приходила Райгарду в голову, как и Дайрусу. Не это ли вынудило короля пойти под венец? Только вот с продолжением рода придётся подождать до выздоровления Марции.

– Я буду рад видеть вас на скачках. Сам я в них не участвую, но, если хотите, отдам вам право скакать на моей кобыле, – предложил Кэйрон. Ему доложили, что Райгард постоянно ошивается в конюшне, разглядывая Анхаль и Штыря.

Судя по ставкам в пивных и борделях, шансы Анхаль оценивали выше всех. В скачках на пять миль примут участие двадцать кобыл, хозяева первых трёх победительниц получают право случить их со Штырём. Лошади были самые лучшие, владельцы предпочитали скакать на них сами. Многие умоляли Кэйрона уступить им место наездника Анхаль.

Райгард восторженно улынулся – Кэйрон понял, что выиграл. Он знал, как тепло относятся друг к другу Сиверс и Ворнхолм. Если Райгард будет участвовать в скачках, Георг наверняка появится, а там Кэйрон найдёт способ с ним пообщаться и сгладить произошедшее на балу. Ванда горячая штучка, однако её холодный муженёк принесёт куда больше пользы.

Праздник получился отменный, даже солнце не слишком припекало в разгар лета. Тысячи нарядно одетых людей собрались за стенами Нортхеда на импровизированном ипподроме у Золотых ворот. Двадцать кобыл проскачут пять миль, после чего состоится аукцион. Ипподром окружали разноцветные тенты со скамьями для высокопоставленных зрителей. В качестве судьи выступал глава городского Совета Нил Флам.

Георг сам не заметил, как увлёкся скачкой. Райгард долго уламывал его прийти, и сейчас Георг радовался, что выбрался из городского дома, где ему становилось всё труднее находиться подолгу. Он знал, как вести себя на поле боя или на эшафоте, но что делать с девчонкой, которая бесится от скуки и не знает, куда себя деть? Проблемы с Вандой нарастали, если их не решить, скоро придётся либо закрывать глаза на её блуд, либо убивать любого, кто слишком много себе позволит. Этого не хватало!

Зря Валер настоял на свадьбе, не в первый раз подумал Георг. Ну что он может предложить Ванде, чья страсть подпитывается юностью и бесцеремонностью? До свадьбы Георг представлял себе будущую жену – это всегда была спокойная, уравновешенная, понимающая женщина. Конечно, та же Катрейна в детстве не отличалась этими качествами, зато потом она быстро повзрослела. Ванде уже двадцать, а она ведёт себя по-детски. Будь она мужчиной, он поговорил бы с ней всерьёз, но разговор по-мужски с женщиной будет выглядеть нелепо. Он дарил ей любые вещи, старался проводить время с женой, возил по владениям, знакомил с людьми и хозяйством, так и не встретив понимания.

Райгард, который до сих пор не мог себе позволить приличного коня, тем не менее, был отличным наездником благодаря постоянной тренировке на лошадях из королевских конюшен. Он вихрем пронёсся мимо, оставив соперников позади. Георг очнулся от размышлений и вместе с толпой зевак приветствовал победителя скачек. Раскрасневшийся и крайне довольный Райгард осадил кобылу, не спеша с неё слезать. Очевидно, Анхаль пришлась ему по вкусу. Неудивительно – Георг оценил её резвость и стать. Ноэль Сиверс подошёл к сыну, Георг присоединился к ним.

– Она превосходна, отец, летела как на крыльях! – Райгард любовно поглаживал холку вороной кобылы.

– А сбросить тебя не пыталась? – зачем-то спросил Георг. – Она не слишком норовиста?

– Да что вы, барон, по-моему, она чувствовала, чего я хочу! Никогда таких лошадей не встречал! Будь у меня деньги, я бы её купил!

– Ты ж говорил, что у тебя есть зерно с прошлого урожая. Загони его, и будут деньги, – посоветовал Николь Ривенхед, пристально разглядывая кобылу. Он занял второе место и был крайне раздражён. Николь спрыгнул с лошади, с досадой хлопнув её по крупу. Конюх, стоявший наготове, ухватил повод и увёл дрожавшую, взмыленную кобылу с глаз долой.

– Я не могу тратить зерно на развлечения. Никто не знает, что ждёт нас в ближайшие годы. Нам надо сначала собрать новый урожай, отложить семена на следующий сев...

– Какое занудство, – протянул Николь. – Урожай и сев никуда не денутся, а кобыла обретёт нового владельца сегодня. Другой такой тебе не видать!

– Отец говорит, надо побереечь то, что есть, иначе наших людей может ждать голод зимой, – возразил Райгард. – Какой прок от кобылы, если ей нечего будет есть?

– Да ей-то с чего голодать? Не крестьянская ж кляча.

– Крестьянские лошади кормят господских коней, – резко возразил Ноэль. Георг видел, что он задет за живое. Николь уже собирался поиздеваться над Сиверсами, когда Георг спросил:

– А ты, Николь, купишь её?

– Я? – рассмеялся Николь – злобно, как показалось Георгу. – Да разве я могу претендовать на кобылу, которую мечтает захомутать мой брат? Вон, Эйв прикидывает, сколько готов за неё выложить. Как бы жаба не задушила. – Николь любил вставлять словечки и фразы, популярные среди школяров Латеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.